

Алексей Бессонов

ЧЕРНЫЙ ХРУСТАЛЬ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК



ЭКСМО

Господин Посредник

Алексей Бессонов

Черный хрусталь

«Автор»

2002

Бессонов А. И.

Черный хрусталь / А. И. Бессонов — «Автор»,
2002 — (Господин Посредник)

ISBN 5-699-07891-6

Человечество, некогда освоившее тысячи миров, а затем отброшенное в каменный век, снова поднимает голову. Будущее планеты зависит теперь от юноши по имени Маттер, на плечи которого неожиданно обрушилась величайшая ответственность. Он стал Посредником, одним из трех людей, связанных с иными обитателями Космоса. Реки крови и множество нелегких дорог приходится преодолеть ему в поисках хрустального Черепа, изготовленного в незапамятные времена Владыками Неба. В чужих руках этот загадочный артефакт может погубить Вселенную...

ISBN 5-699-07891-6

© Бессонов А. И., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Часть вторая	48
Глава 1	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Бессонов

Черный хрусталь

Сейчас, по прошествии множества лет, я начинаю понимать, что моя странная история была заложена судьбой в тот туманный вечер, когда в дом моего отца прискакал рослый седой вельможа в богатых одеждах... Впрочем, начиная вспоминать эти очень давние события, следует обратиться к тем дням, когда духовник нашей семьи в первый раз дал мне, еще ребенку, книгу. Я хорошо помню – это был сборник поучительных историй, собранных самим Омером; мне было четыре года, но старик считал, что я уже достаточно развит для того, чтобы впитывать книжную премудрость. Он оказался прав. Не прошло и двух лет, как я перечитал большинство книг, имевшихся в библиотеке моей матери (в основном там находились сентиментальные романы, в которых скучающая принцесса непременно похищалась молодым, непеносимо глупым, но зато обязательно бедным и белокурый князем, после чего они бежали за моря, где и жили среди желтолицых дикарей, принимая от них королевские почести), так как к своим книгам и свиткам отец меня не подпускал. Следует заметить, что отец, хоть и косвенно, но сыграл в моей судьбе важную, если не решающую, роль.

Он был аксаметом нашей провинции. Аксамет – чиновник небольшой, птичка, в общем-то, невеличка, да только он, пожалуй, был рад и этому. Отец происходил из очень древнего рода, но когда-то, за пять столетий до моего рождения, один из моих предков позволил себе смелость обыграть в кости какого-то там принца крови, и началась долгая опала, в результате которой мы потеряли и земли, и деньги – в конце концов осталось только имя. Отцу повезло: мальчишкой он попал на королевский корабль, сумел как-то выдвинуться, а потом проявил себя в сражении на глазах у самого принца Эмара. В том бою он потерял правую руку. Со службой было покончено, но в качестве награды отец получил должность. За годы, проведенные среди наших мелкотравчатых мудрецов, отец пристрастился к книгам, причем читал он все подряд: от приключений южных кочевников до философских трактатов двухсотлетней давности. Так или иначе, но книги сделали его весьма образованным человеком, он разбирался в торговле, свободно толковал о политике и мог даже поспорить с духовником на философские темы. Когда мне исполнилось десять, отец понял, что солдата из меня не получится – мать родила меня в четырнадцать, когда сама была еще практически ребенком, и я рос хилым заморышем, совершенно, казалось, не способным поднять меч. Я всегда чурался коней – и, как все знают, на мостике фрегата я и сегодня чувствую себя гораздо лучше, чем в седле, да и вообще, с книгой меня можно было увидеть куда чаще, чем, скажем, с плетью и детской рапирой. Для отца я представлял сплошное разочарование, но сдаваться он и не подумал. Он нанял лучшего в провинции фехтовальщика, старого, вдоль и поперек изрезанного мелкотравчатого бретера, и наказал ему гонять меня и днем и ночью. О, как я его ненавидел! Падая в кровать, я давал себе слово бежать – завтра же... нет, сейчас же! А с утра меня опять ждали пробежки, отжимания и, до одури, до темноты в глазах – выпады, уходы, отражения.

Са Камор, мой учитель, сделал невозможное – за те четыре года, что он жил в нашем доме, из тощего отрока с громадными глазами я превратился в не менее тощего, но уже невероятно подвижного длинноногого подростка, способного жонглировать любым клинком от кинжала до тяжелой, как моя доля, абордажной сабли. Впрочем, сам я предпочитал прямой меч в два локтя длиной. Параллельно с Камором мной занимался наш духовник, брат Сайен. Отец понимал, что с военной службой мне связываться все же не стоит, и надеялся, что я смогу найти себе какое-нибудь возвышенное занятие. Брат Сайен был личностью своеобразной. Развратник, заглядывающий под каждую юбку, балагур и выпивоха, он был человеком огромных познаний и редкого дара лекарем. Под его руководством я освоил науку трав и камней, а чуть

позже – некоторые аспекты того, что невежды называют магией. По словам брата Сайена, у меня были очень сильные руки.

В общем-то говоря, все это вместе взятое и спасло меня в те черные дни, когда на нашу старую империю ринулись орды варваров. Это теперь я понимаю, что эти так называемые «варвары» давно превзошли нас и в науке, и в искусствах, а тогда-то мы, надутые, что бычьи пузыри, считали себя средоточием мудрости – еще бы, наша история насчитывала столько столетий!

Итак, был туманный осенний вечер. Это был последний год перед падением империи, и он многим запомнился холодным дождливым летом и ранней осенью. Я сидел наверху в своей комнате, погруженный в какие-то морские приключения, как вдруг за мной прибежала служанка.

– Вас требует батюшка, са, – скороговоркой сообщила она. – Срочно, са.

– Иду, – отозвался я, захлопывая книгу.

Отца я нашел внизу, в гостиной, очень встревоженным и хмурым.

– У нас важный гость, – сказал он мне, не утруждая себя предисловиями. – По-видимому, он болен, хотя и не хочет в этом признаваться. Ты должен взять свои мази и настои и попытаться помочь ему. Ренд проводит тебя.

Через пять минут старый конюх, державший перед собой два больших подсвечника, провел меня в небольшую комнату в правом крыле дома, которое считалось как бы вотчиной моего отца – без его приглашения туда не заглядывала даже мать.

В комнате было жарко, даже, пожалуй, слишком. Тогда, конечно, я не знал, что при лихорадке ю-ю человека мучает адский холод – тогда я даже не слышал о такой болезни. На старой деревянной кровати, придвинутой к полыхающему камину, лежал не старый, но уже седой мужчина очень крупного телосложения. Он был настоящим гигантом: наверное, его руки могли бы переломить боевое копьё. Услышав скрип двери, мужчина поднял веки, и я поразился нездешней голубизне его глаз – у нас на юге такие глаза встречаются очень редко.

– Я сын хозяина, аксамета Маттера, – поспешно представился я. – Я немного разбираюсь в травах... я попытаюсь помочь вам.

– Это бесполезно, – улыбнулся наш гость. – Разве что ты найдешь что-нибудь обезболивающее. У меня болит живот.

– Да-да, конечно, – я раскрыл свой ящичек и после короткого раздумья протянул больному небольшую склянку.

По его одежде, а это была хоть и потрепанная, но все же роскошная одежда, становилось понятно, что наш гость занимает видное место. В то же время во всем его облике чувствовалась некая, едва уловимая, чужеродность: мне казалось, что этот вельможа много лет провел в каких-то далеких, неведомых мне землях. Взяв мою склянку, он привстал, чтобы выпить, и в этот момент из-под его спины на пол выпал какой-то продолговатый темный предмет. Сперва я не обратил на него внимания. Выпив зелье, вельможа обессиленно рухнул на подушки и глухо произнес:

– Я хотел бы попросить тебя посидеть со мной некоторое время. В последние годы мне страшно засыпать одному. Потом ты пойдешь к себе...

Я удивился, как может быть страшно такому могучему, сильному человеку. Тем временем наш гость начал похрапывать. Некоторое время я сидел, не решаясь пошевелиться, а потом мой взгляд упал на тот самый предмет, закатившийся под кровать. Стараясь производить как можно меньше шума, я опустился на корточки и осторожно взял его в руки.

Это был плотный, обшитый кожей футляр с хорошо пригнанной крышкой.

Я еще не знал, что в нем; я совершенно не ощущал магическую событийную силу, скрытую под слоем кожи и картона – но меня тянуло к нему. И, еще раз посмотрев на спящего вельможу, я снял крышку. В руки мне выпал свиток. Он был стар. Я не мог сказать, в какую эпоху он был написан – повторяю, он был очень стар, и кроме того, свиток был не бумажным,

нет, это был какой-то странный материал, не шершавый и не гладкий, матово-желтый, и буквы, знакомые мне, но в то же время какие-то чужие, были словно бы вырезаны в его плоти. Да, в плоти – как я сейчас помню, был момент, когда странный свиток показался мне почти живым. Они были вырезаны – очень, правда, неглубоко, – и все-таки текст был рукописным! Вероятно, наших провинциальных мудрецов этот парадокс свел бы с ума. Для меня это не имело особого значения: я стал читать.

Некоторые слова были мне понятны, до смысла других я доходил со второго, а то и третьего раза, но все равно, закончив чтение, а манускрипт был не велик по объему, я практически ничего не понял. Речь шла об управлении какими-то энергиями, о перерождении некоей таинственной «гравитации» и о силе звезд, меняющейся по воле тех, кто обладает магической «сферой Мегатериума». Еще там говорилось о том, что эта сфера ни в коем случае не должна соединиться с какой-то короной, утерянной кем-то за много тысячелетий до того, как в наш мир пришел первый человек. Текст этот обрывался посреди предложения – наверное, остальное находилось на другом свитке, который отсутствовал. Впрочем, для меня это не имело никакого значения. Недоуменно пожав плечами, я закрыл футляр и незаметно засунул его под спящего.

Вельможа ускакал рано утром, когда я еще спал, и много лет я и не вспоминал о том странном свитке, что покоился в футляре, обшитом желтой кожей...

Часть первая

Ветер с моря...

Глава 1

С рассветом третьего дня я понял, что обречен.

Варварские легионы веером шли по острову, сметая на своем пути остатки имперских войск, как метла сметает осенние листья в парке. Немногие древние гнезда, выстроенные в те далекие времена, когда дом должен был предоставлять своим хозяевам защиту от налетчиков, они попросту обходили – а небольшие имения вроде нашего полыхали по всей стране как погребальные костры снели и глупости, правившей в империи уже которое по счету столетие. Отец умер с мечом в руке, так и не увидев своих врагов. Его сразила ударившая из темноты пуля, и в этот миг я понял, что мне защищать уже некого. Мать была отправлена к своим родственникам на север; слуги, кроме старого Ренда, разбежались.

Спрятавшись на чердаке, я ждал смерти, но ее все не было. По-видимому, нас атаковал совсем небольшой отряд. Уразумев, что воевать не с кем, захватчики пробежались по дому и неожиданно исчезли, прихватив с собой лишь драгоценности, найденные в отцовском кабинете. Они очень спешили, и эта спешка спасла мне жизнь. Лошади их почему-то не интересовали: пройдя в конюшню, я убедился, что мой старый Куки все так же лениво жует свое сено. Механически – в те мгновения я плохо соображал, что делаю, – я оседлал его, потом вернулся в дом, размышляя о том, где могут находиться лопаты.

Отца я закопал в дальнем углу парка.

Через два часа я был уже далеко. Куки, изумленный моими пинками, неся во всю прыть, смешно подбрасывая свой толстый зад. На мне был серый плащ младшего духовника, под которым скрывался меч и пара пистолетов. Из своего тайника я извлек несколько камней, достаточно дорогих для того, чтобы продержаться некоторое время. Мои мальчишечьи мозги еще не осознавали: в стране все перевернулось вверх дном, и то, что еще вчера было ценным, сегодня стоит очень и очень немного.

Я не знал, куда мне ехать, но Куки почему-то бежал на запад, и я не стал с ним спорить. Третье утро я встретил в роще совсем недалеко от побережья. Я понимал, что деваться мне некуда, что рано или поздно я нарвусь на какой-нибудь патруль или что-то в этом роде, и меня преспокойно вздернут на ближайшем суку. Впереди находился крохотный портовый городок с не самой лучшей репутацией; после короткого размышления я взгромоздился на Куки и двинулся навстречу морскому ветру.

Вяло шевеля копытами, мой гордый скакун взобрался на песчаный холм, с которого открывался прекрасный вид на бухту, и принялся щипать хилую траву. Вероятно, мое задумчивое состояние в полной мере передалось и ему. Не покидая седла, я забросил в рот горсть орешков и подумал, что сюда, кажется, захватчики еще не добрались. В порту грузились несколько больших торговых каракк, явно спешащих удра от наступающих варваров, я даже без оптики видел, как суетятся благородные господа, подгоняющие изможденных носильщиков. Это выглядело довольно наивно: вражеский флот плотно обложил острова, и прорваться через эту блокаду было бы весьма затруднительно. Я горько усмехнулся – мне сразу вспомнилось неимоверно тяжелое тело отца, которое я кое-как прикопал под яблонями, – и поднял глаза к горизонту. В то же мгновение я увидел корабль.

Вероятно, одновременно со мной его увидели и с берега, потому что возле причалов началась характерная испуганная возня, кто-то побежал к пушкам, остальные схватились за

мечи и пистолеты. Это был очень странный корабль, я никогда не видел ничего подобного, а ведь я перечитал все книги, которые можно было купить у нас, – все книги, повествующие о морских приключениях. Изумленный, я вытащил из сумки подзорную трубу.

Огромное, кажущееся приземистым, судно несло целых пять мачт. Сейчас почти все паруса были убраны, и свежий ветер наполнял лишь малую их часть, в основном те, что были расположены на двух коротких бизанях. Борта корабля показались мне железными. Подкрутив трубу, я разглядел в них десятки тщательно пригнанных крышек оружейных портов. Никаких флагов или вымпелов я не заметил. Варвары таких судов не строили, в этом я был уверен. Тогда кто же это?

Я наблюдал за странным кораблем примерно с полчаса. За это время он приблизился к берегу на расстояние уверенного выстрела и остановился. Все паруса к тому времени уже убрали, и вот ветер донес до меня грохот якорных цепей. В береговом форте изготовили батарею; никто, однако, не стрелял, корабельная артиллерия все так же спала за железными – теперь я это видел, – люками. Когда с якорями было покончено, с корабля спустили маленький ялик. В него погрузили какой-то сундук, следом по веревочному трапу в лодчонку спустились трое богато одетых людей. Свежий ветерок трепал странные, яркие перья на высоких тульях их шляп. На варваров они походили не более, чем мой верный Куки на тяжеловоза.

Тогда, заинтригованный и взбудораженный, я двинулся вниз. Разумеется, я не мог предполагать, что ждет меня в маленьком городке, населенном в основном рыбаками да контрабандистами – но, с одной стороны, ничего иного мне просто не оставалось, а с другой, меня неудержимо влекло к таинственному серому кораблю, что мрачной громадой застыл посреди бухты. Сейчас все жители города толпились в порту, напуганные необыкновенным зрелищем. Я проехал через окружающие городок огороды, миновал тесные кварталы рыбацких лачуг, и вскоре копыта Куки застучали по старинной брусчатке мостовой. Путаясь в лабиринте узеньких, полутемных улочек, я добрался наконец до того характерного хаоса из дешевых борделей, притонов и контор, которыми окружен любой мало-мальски значимый порт. Здесь сновали озабоченные солдаты из форта, перепуганные благородные, то и дело потирающие рукояти фамильных мечей, моряки, их зараннее рыдающие подруги и дети – короче, на скромного попики верхом на нелепой добродушной коняге никто не обратил ни малейшего внимания.

Я остановился возле перекошенной от старости вывески с надписью «Южное море» и зверской от выпивки физиономией моряка, намалеванной, вероятно, каким-нибудь скучавшим в безденежье студентом. Чем-то оно мне понравилось, это «Южное море»... не знаю уж чем. Войдя в кабак, я понял, что не ошибся. Здесь было тихо, как в могиле, лишь гудели под потолком мухи да посапывал носом хозяин. При моем появлении он открыл глаза и зачем-то выставил на стойку кувшин с вином.

– Брат хочет подкрепиться? – спросил он.

– Угу, – кивнул я, оглядывая помещение. Было чисто, а значит – дерутся здесь редко. Как раз то, что надо.

– А братец из благородных, – заметил хозяин, отрезая мне здоровенный ломоть копченого мяса. – Ну, кому сейчас легко... тоже драпать решили?

– Не знаю, – я пожал плечами, действительно не зная, что придется делать дальше. – Пока не знаю.

– Бежать – эт вряд ли, – философски вздохнул хозяин. – Разве что ночью... Томан вчера вышел в море, да к вечеру и вернулся: южнее Саха целый флот варварский, лес, говорит, мачт, стоят, ждут чего-то.

Пока я разбирался со своим нехитрым обедом, в кабачок вошли двое мужчин, по виду – опытные контрабандисты. На них были неброские, но прочные и от того дорогие плащи, из-под которых виднелись ножны добрых сабель. Увидев их, я машинально поправил полу своего

одеяния, чтобы скрыть свой меч. Младшему службе не пристало таскаться с оружием. Если, конечно, он не член одного из боевых орденов – но там, я знал, таких дохляков не держат.

Окинув меня скучными взглядами, контрабандисты заняли дальний угловой столик и принялись за вино, шустро поднесенное хозяином.

– Пеллийский королевский корсар, – услышал я негромкий голос одного из них. – Это точно, уж поверь мне. Только у них такие корабли стали строить. Лавеллеры теперь покупают у них новые пушки, снаряд на сосиску похож, сам видел.

– Это еще зачем? – недоуменно поинтересовался его собеседник.

– Пороха больше, – коротко ответил тот. – Ты лучше подумай, что он тут может делать?

Из дальнейшей беседы я узнал, что лодка с загадочными визитерами подошла к небольшому мыску севернее порта, и все трое, прихватив свою поклажу, скрылись в лесу. Преследовать их, естественно, никому и в голову не пришло. Народ, похоже, понял, что трогать его никто пока не собирается, и постепенно вернулся к своим делам. Огромный корабль все так же недвижно торчал посреди бухты.

Выпив кувшинчик, я неожиданно ощутил некоторые преимущества своего нынешнего положения. Я был хозяином самому себе и мог теперь не думать о том, что вино следует пить только в разбавленном виде. Кому-то это может показаться глупым и даже подлым – едва похоронив отца, мальчишка радуется обретенной свободе, но в шестнадцать лет отчаяние проходит быстро... и я заказал еще вина.

Я долго сидел, вспоминая все, что мне приходилось слышать о таинственной далекой Пеллии, расположенной далеко на западе, за бескрайним океаном. Вести оттуда приходили редко, так как не всякий купец решался на столь далекое и трудное путешествие. Из Пеллии, как я помнил, привозили всякие диковины: перья удивительных птиц, лекарства от мужской слабости, и еще – изделия тамошних мастеров, поражающие своими качествами. Выше всего ценилось пеллийское оружие и пеллийская оптика. Один из наших провинциальных мудрецов имел старинный прибор, позволяющий видеть крохотных существ, живущих в капле обыкновенной воды. Рассказывали, что пеллийские короли путешествуют по воздуху на летающих островах в целую милю длиной, что у них запрещено держать рабов, а каждый благородный должен отслужить пятилетнюю королевскую службу. В это мало кто верил, но сейчас, вспоминая увиденный утром корабль, я стал подумывать о том, что правды в этих рассказах больше, чем лжи.

– Лекаря! Есть в этом городе лекарь?

Рядом со мной вдруг хлопнула дверь, и в кабаке вбежал запыхавшийся паренек из благородных. На его лице было написано отчаяние.

– Хозяин! Есть тут где-нибудь лекарь?

Вслед за парнем в зальчике оказался рослый мужчина в коротком, расшитом галунами кафтане и надвинутой на глаза шляпе с пером. Это был один из тех, кто прибыл на ялике...

Хозяин на миг лишился дара речи.

– Этот господин схватил меня и срочно требует лекаря... – в голосе подростка прорезался не то стон, не то плач.

– Я лекарь, – я встал, бросил на стол мелкую монету и, сам уж не знаю зачем, распахнул на себе плащ – так, чтобы все увидели длинный старый меч.

Гость из Пеллии пристально посмотрел на меня, усмехнулся уголками губ и повелительно двинул головой. Провожаемые изумленными взглядами, мы вышли на улицу.

Мой ящик был привязан к седлу. Ведя в поводу Куки, я засеменял за моряком и его временным слугой, которые быстро двигались вдоль набережной.

Вскоре моряк остановился возле древнего трехэтажного особняка, бросил пареньку какой-то камень и все так же, жестами, приказал мне подниматься по вытертой внешней лест-

нице на второй этаж. Держа в руках ящик с лекарствами, я забрался наверх – и передо мной тотчас же распахнули крепкую дубовую дверь.

– Он истекает кровью, – произнес в полумраке молодой женский голос. – Сюда... скорее же.

Следуя за своей провожатой, я неожиданно оказался в просторной угловой комнате, залитой ярким светом из двух высоких окон. Только теперь я смог разглядеть ее – передо мной была крепкая светлокочая девушка, облаченная в мужской наряд и шляпу с широкими полями, – она также была из той троицы, что высадилась на нашем берегу. Третий, немного седой мужчина с огромными светлыми глазами, которые буквально освещали его загорелое, со множеством шрамов лицо, сидел на табурете перед кроватью, на которой, как мне стало ясно, и находился мой пациент.

Едва глянув на него, я понял, что дело плохо. Огромного роста, седовласый аристократ, лежавший на кровати, получил несколько колотых ранений. Все бы ничего, но чей-то клинок угодил ему в бедро, разорвав артерии, и я понимал, почему они не могут остановить кровь.

– Наш хирург умер несколько дней назад, – заговорил светлоглазый, в упор глядя на меня. – Вы сможете помочь этому человеку?

– Я попытаюсь, – кротко ответил я, удивляясь его странному певучему акценту. – Мне понадобится горячая вода и много бинтов.

– Вода готова, – заявила девушка. – Бинты у нас тоже есть. Что-то еще?

Я не ответил.

Я закончил через час с небольшим. Раненый спал, и я знал, что он будет спать не меньше суток. Но я знал и кое-что еще.

– Вряд ли он сможет ходить так же, как раньше, – я смыл с рук кровь и выпрямился, глядя на светлоглазого. – Если вообще сможет.

– Сможет, – уверенно произнесла девушка.

– Ты хочешь плыть с нами? – неожиданно спросил меня светлоглазый.

– Что? – от неожиданности я едва не выронил инструменты, которые складывал в ящик. – С вами? Кем?

– Корабельным врачом – для начала. Мне нужны толковые парни. А здесь ты скоро сдохнешь...

– Но я даже не знаю, кто вы такие...

– Это так важно?

Больше всего мне было жаль расставаться с Куки, который, почуяв разлуку, принялся жалобно ржать и косить в мою сторону большим влажным глазом. Его я отдал довольно странной молодой женщине, хозяйке трехэтажного дома – то ли опустившейся аристократке, то ли излишне надменной горожанке, – отдал даром, заставив ее поклясться в том, что она не пустит его под нож до самой старости. В те минуты я, как ни странно, мало задумывался о своем ближайшем будущем. Кого-то это опять-таки удивит, но вспомните: моя страна разваливалась под ударами многочисленных и безжалостных врагов, спасения ждать было неоткуда, и еще – что-то говорило мне, что отказываться не стоит... хотя бы потому, что море сулило мне множество славных приключений, о которых так мечтает любой нормальный юноша.

С наступлением долгих осенних сумерек мы соорудили из подручных материалов довольно прочные носилки и выдвинулись. Иллари – так звали светлоглазого моряка – отлично знал городок, и следуя его указаниям, мы быстро обошли припортовые кварталы, чтобы через час оказаться на узенькой полоске песчаного пляжа. Мелкая волна шлепала в борта ялика, до середины вытащенного на берег. Очевидно, никто из местных жителей так и не решился проверить, что же стало с загадочными пришельцами. Прямо перед нами мрачной громадой возвышался пятимачтовый корабль, на бушприте ярко горела желтая лампа, и больше – тогда меня это очень удивило, – я не увидел на нем ни единого огня.

Мы погрузили в лодку раненого, Иллари и его немногословный напарник столкнули ее на глубокое место и быстро запрыгнули внутрь. Следом за ними там оказалась Ута, девушка в мужской одежде. Я немного замешкался, перебрасывая через борт свои пожитки и ящик с лекарствами, и в полутьме перед моим лицом возникла сильная рука с несколькими перстнями на пальцах:

– Давай же, парень... Первый раз в море?

– Да, са Иллари, – ответил я, тяжело переваливаясь через скользкое дерево борта. – Раньше не приходилось.

– Ничего, ничего, – подбодрил он меня. – Из тебя получится отличный моряк.

Ута села на руль, и ялик, подгоняемый двумя парами весел, шустро заскользил по темной волне. Уже поднялась одна из лун, Эттила: ее далекий сероватый свет прочертил на воде причудливо извивающуюся дорожку. Я во все глаза смотрел на приближающийся корабль и замечал в нем все больше и больше странного. Например, высокую и узкую трубу в средней части корпуса, которую я сперва едва не принял за шестую, добавочную, мачту, а также два загадочных возвышения на носу и на корме – это были не надстройки, а что-то совсем другое, несколько скругленное по форме; приглядевшись, насколько то позволяли мне сумерки, я понял, что громоздкие сооружения плотно затянуты парусиной. Возможно, решил я, это какой-то груз? Но кто же станет держать груз на палубе, да еще и в таком неудачном месте? Мое сердце забилося в предвкушении: я знал, что в самом скором времени найду ответ на свои вопросы.

Впереди раздался металлический грохот, на носу вспыхнули сразу несколько фонарей, и я увидел, что корабль выбирает якоря. Через пару минут мы проплыли под его бушпритом, заходя почему-то с левого борта, и наконец Иллари затабанил, а Ута ловко схватила конец поданного нам штурмтрапа.

Над моей головой тяжело поскрипывал рангоут¹. Посмотрев на огромные мачты, казавшиеся на фоне темного неба сказочными великанами, я ощутил легкое головокружение. Мне случалось видеть боевые корабли императора, но ни один из них не выглядел столь величественно, как этот. Несколько матросов, спустившиеся к нам, подняли наверх носилки, а Ута подхватила мой ящик.

Вскарабкавшись вслед за ней (все время одной рукой, так как вторая была занята сумкой с одеждой и парой книг, захваченных с собой из усадьбы), я ступил на палубу. К моему изумлению, она оказалась металлической, точнее, обшитой металлом – мои башмаки стукнули по серому железу!

– Идем со мной, – властно поманила меня девушка. – Ты займешь каюту нашего врача.

Свалив свои пожитки в каком-то темном помещении на корме, я снова двинулся за ней. Мы прошли узким неосвещенным коридором, и она толкнула толстую деревянную дверь. Я оказался в просторной комнате с четырьмя прямоугольными окнами – назвать их иллюминаторами у меня не поворачивался язык, – посреди которой возвышался длинный стол, уставленный едой и напитками. За столом сидели три человека.

Выглядели они, на мой вкус, необычно. Справа от меня тщательно пережевывал пороссячью ножку здорово тертый жизнью дед с неряшливой седой бородой, облаченный в такую же потертую кожаную куртку и брюки, заправленные в высокие морские сапоги. Рядом с ним крутил в пальцах резной бокал с вином рослый мужчина откровенно бандитского вида в расстегнутой до пояса белой сорочке, за пояс кожаных штанов были заткнуты два двухствольных пистолета тонкой работы. По столу рядом с ним были рассыпаны новомодные картонные патроны для казнозарядного карабина, а слева – едва увидев меня, он сразу же впился в Уту

¹ Рангоут – совокупность деревянных и металлических частей – мачты, реи и т.д., служащих для постановки парусного вооружения судна. – прим. авт.

острым вопросительным взглядом, – сидел узкоплечий, слегка седоватый человек с умным молодым лицом, вокруг его глаз весело шурились хитрые, живые морщинки. На нем был роскошный кожаный наряд, нечто вроде куртки с широкими отворотами, изящно расшитой серебром, правая ладонь пряталась в тончайшую черную перчатку, поверх которой я разглядел массивный перстень с черным камнем треугольной формы. На шее у незнакомца висел круглый золотой талисман.

– Иллари, – сказала Ута, – Иллари, – и произнесла длинную певучую фразу.

– Илла-ари? – вопросительно пропел седой и повернулся ко мне. – И ты действительно можешь быть костоправом?

Говорил он почти без акцента.

– Да, – удивленно ответил я, – немного.

– Немного уже достаточно. Садитесь, юноша. Вы пьете вино?

Только сейчас я заметил рядом с ним небольшую трубку с длинным тонким прямым мундштуком. Стараясь скрыть смущенную улыбку, я присел на стул рядом с ним, и тут в каюте бесшумно возник Иллари. Он что-то сказал седому, улыбнулся мне и быстро кивнул Уте – та послушно налила ему полный кубок вина и отрезала кусок мяса.

– Меня зовут Эйно, – неожиданно представился седой. – Это, – указал он на старика и громилу с пистолетами, – наши штурман, Тило, и лучший рулевой всех морей – Перт. Надеюсь, тебе с нами понравится. Иллари никогда не ошибается в людях.

Светлоглазый моряк добродушно хмыкнул и потянулся за вином. Глядя на них, я решил, что теряться мне не стоит, и, вытащив свой старый кинжал, приступил к делу – следует сказать, что события того дня меня изрядно утомили, и я был голоден, как дикий пес.

По всей видимости, сладкое вино оказалось слишком крепким для меня. Подкрепившись окороком, я неловко извинился и попросил разрешения идти спать. Огромный Перт, посмеиваясь, проводил меня до каюты, хлопнул по плечу и ушел. Не чуя под собой ног, я нащупал в темноте кровать и повалился на нее, как тряпичная кукла.

Надо мной уже гудели паруса.

Глава 2

Две ночи, проведенные в постоянном, почти животном страхе, заставили меня уснуть поистине мертвым сном – впервые за долгое время мне абсолютно ничего не снилось, и проснулся я с той характерной свежестью мысли, какая достигается лишь ощущением покоя и совершенной безопасности. И тут же покой сменился сомнениями. Несколько минут я лежал, рассматривая близкие доски потолка, не решаясь даже пошевелиться. Мне казалось, что перед моим взором явится нечто ужасное... потом я все-таки решился и встал с кровати.

Я находился в тесной каютке, освещаемой зарешеченным овальным иллюминатором. Напротив кровати располагался стенной шкаф, а слева от него я заметил довольно широкую, плотно пригнанную дверь. Постояв, протирая кулаками глаза, я подошел к ней и толкнул гладкую бронзовую ручку.

Передо мной была операционная зала. Очевидно, она имела еще один выход, ведущий во внутренние помещения корабля, так как за идеально чистым, обитым полированной сталью столом я увидел еще одну дверь. Здесь располагались застекленные шкафы, полные сверкающих инструментов тончайшей, едва не ювелирной работы и каких-то не совсем понятных мне приспособлений, а так же прямоугольные сундуки, украшенные надписями на незнакомом мне языке. К стене был прикреплен медный цилиндр с кранами – в нижней его части я разглядел жаровню и понял, что он предназначен для кипячения воды. Здесь мне предстояло работать. В первые минуты, неуклюже озираясь по сторонам, я с ужасом подумал, что влип. Я кое-как оперировал, мог зашить не самую сложную рану, принять роды или удалить аппендикс, но работа настоящего врача на настоящем боевом судне не могла не испугать меня – и в первую очередь я боялся ответственности за судьбы тех людей, что лягут на этот стол, ожидая от меня спасения.

За моей спиной хлопнула дверь, и я услышал голос Уты:

– Эй, Маттер, ты куда подевался?

– Я... здесь я.

Я вернулся в каюту и принялся поспешно одеваться, стараясь при этом не смотреть на девушку – мне было ужасно стыдно и за мою мальчишескую худобу, и за смущение, вызванное ее неожиданным визитом.

– Тебе пора позавтракать, – сообщила она, почему-то одарив меня загадочной улыбкой, – а потом тебя ждет Эйно.

После завтрака, состоявшего из пары сытных лепешек, куска сушеной козлятины и бокала легкого вина, я поднялся на палубу. Ута провела меня в башенку, венчавшую собой высокую кормовую надстройку, и исчезла. Я оказался в просторном, залитом солнцем помещении, стены которого были сплошь заняты огромными книжными шкафами. Башня освещалась посредством двух огромных окон, смотревших на корму. Солнце светило прямо в наши паруса – корабль шел на запад.

Посреди помещения, возле огромного дубового стола, заваленного развернутыми картами, стояли Тило, Эйно и Иллари. При моем появлении они прекратили разговор и как по команде уставились на меня.

– Как спал? – поинтересовался Эйно, не выпуская изо рта своей тонкой трубочки.

– Спасибо, са, превосходно, – ответил я, гадая, зачем меня вызвали.

– Отлично. Иди сюда, к столу. Ты разбираешься в картах?

– Самую малость, са. Приходилось видеть в книгах...

– Толковому парню этого достаточно, – басовито пробурчал Тило.

Эйно кивнул и придвинул ко мне отлично оттиснутую, подробнейшую разноцветную карту. Вглядевшись, я различил на ней тот участок побережья, на котором они подобрали меня, и земли к югу от нашего острова. Там, за проливом, начиналась Гайтания – могучее

королевство, населенное людьми, близкими нам по языку, вере и нравам. Многие из наших родов имели гайтанские корни. Насколько я знал, южные варвары не решились нападать на эту страну, они обошли ее, миновав сложный лабиринт узких проливов, и набросились на нас, увидев в моей несчастной старой родине более легкую добычу.

– Тебе приходилось бывать здесь? – Длинный, тщательно отполированный ноготь Эйно уперся в гайтанский запад, изрезанный множеством заливов и узких фиордов.

– Нет, са, – помотал я головой. – Язык я знаю довольно хорошо, читаю и говорю почти без акцента. Но бывать мне там не случалось.

– Знаешь язык? – блеснул глазами Эйно. – Превосходно! Я знал, что Иллари не ошибся в тебе...

– Нам предстоит путешествие, са? – почтительно осведомился я, не переставая восхищаться качеством карты.

Эйно пососал трубку, подмигнул Иллари и достал из небольшого буфета высокогорлую бутылку.

– Да, парень... ты будешь играть роль моего сына. А я – роль убитого горем мелкопоместного князька, едва удравшего от варваров. Ты хорошо знаешь язык – значит, ты будешь всем рассказывать, что учился там в монастыре и лишь год назад вернулся домой. Ты знаешь какие-нибудь далекие от побережья монастыри, в которых может воспитываться молодой дворянин?

– О Гайтании я слышал очень много, са. Думаю, мы найдем выход из положения. Путешествие будет секретным?

– Парень просто мудрец, – добродушно хохотнул Иллари. – Признайтесь, са Маттер, вам приходилось зачитываться книжками про королевских шпионов?

– Н-да... – ответил я, краснея.

– Мы пробудем там недолго. Нам нужно добраться вот сюда, – Эйно указал на незнакомый мне городишко в десятке миль от берега. – А там... а там посмотрим. Насколько я знаю, ближайшая база гайтанского флота находится много южнее, и мы вряд ли встретимся с военным кораблем. А даже если встретимся... – Он налил себе вина и повернулся ко мне. – Если и встретим, нам это не страшно. Верно, Тило?

Старый штурман что-то пробурчал себе под нос и потянулся за сложной линейкой со множеством различных шкал, валявшейся на дальнем углу стола.

– Тебе нужно осмотреть раненого, – вдруг спохватился Иллари. – Ута проводит тебя... встретимся на палубе.

Состояние моего пациента оказалось лучше, чем я мог ожидать. Рана начала затягиваться, бальзамы предотвратили лихорадку, и он, еще очень слабый, но пришедший в себя, подкреплялся жидковатым бульоном.

– Спасибо, мальчик, – голос рослого аристократа оказался мягким, словно у монаха. – Мне уже рассказали, кому я обязан жизнью. Скажи мне, – он поставил тарелку на стоявший возле кровати табурет и прищурился, – ты знаешь, куда попал?

Измученный вопросом, я присел у него в ногах.

– Что вы хотите этим сказать, са?

– То, о чем я тебя спросил. Ты знаешь, что это за корабль?

– Но, са... в таверне я слышал, что это пеллийский королевский корсар, но, возможно, контрабандисты ошибались... мне хотелось бы выяснить это самому, са.

– Смышленный парень, – едва слышно засмеялся раненый. – Королевский корсар! Что ж, для кого-то это так. Наверное, даже для многих.

– Вы думаете, меня ждет что-то дурное? – насторожился я.

– Смотря опять-таки что понимать под дурным... вероятно, впрочем, что тебя ждет множество удивительных вещей. Может быть, богатство и слава, о которой так мечтают в твои годы. А может быть – петля или пуля. Паутина Саргази темна... одно могу сказать тебе точно:

«Бринлееф» – лучший корабль на этой планете. Когда-нибудь построят другие, больше и мощнее, но пока барк Эйно Лоттвица способен сокрушить кого угодно. Там, в далеких западных морях, такая статя значит очень много. Что ты слышал о Пеллии?

– Очень мало, са. Я знаю, что пеллийские мастера преуспели в науках и искусствах изготовления различных диковин...

– Пеллийские мастера преуспели в искусстве интриг! – саркастически перебил он меня. – Я рад, что мне не придется плыть вслед за солнцем... Пусть Саргази сплетет для тебя узор хитроумия. Иначе данные тебе таланты пропадут даром. Иди...

Его манера речи произвела на меня большое впечатление. Старый воин, – а я ни минуты не сомневался, что истинным его призванием был меч, – вещал, как храмовый прорицатель. Наверняка он видел свитков куда больше, чем все мудрецы нашей провинции вместе взятые. Поднимаясь на палубу, я дал себе слово продолжить странную беседу при первой же возможности.

«„Бринлееф“, – подумал я, выбираясь наверх. – „Бринлееф“, вот как он называется! Интересно, что это значит?»

Эйно стоял на металлических плитах кормовой надстройки, барабана пальцами по зловонному биноклю, что висел у него на груди. Над нашими головами гудели косые паруса второй бизани.

– Добрый ветер, – сказал он, улыбаясь мне. – Тебе нравится в море?

– Да, са... – я помялся, глянул за корму, где пенилась, крутилась кильватерная струя огромного корабля, и решил: – Скажите, са Эйно, а «Бринлееф» весь изготовлен из железа?

– Железный корабль построить трудно, – задумчиво прищурился тот. – Наш «Брин», конечно, сделан из дерева, но обшит он железом. Корпусу не страшны ядра ваших пушек. Наши орудия стреляют коническими снарядами наподобие пули от казнозарядного оружия. Ты уже видел такое?

– Да, у гвардейцев, са. Говорят, его научились делать лавеллеры.

– Бездельники кое-как переняли идею князя Роттира. Если это небольшая пушка, то конический снаряд вращается в полете, это увеличивает дальность и точность, к тому же в него можно засунуть куда больше взрывчатки, чем в круглое ядро. Понял?

– Понял, са, – ответил я, неожиданно для самого себя удивляясь простоте услышанного. Действительно, для того чтобы снарядить ядро большим количеством пороха, приходится увеличивать калибр пушки. Для того, чтобы метнуть большое ядро, нужно увеличивать количество пороха в стволе. Скоро наступает предел. А пеллийцы нашли способ обойти его! Но почему он вращается? Спрашивать я не решился.

– Для борьбы с деревянными судами мы делаем тонкостенные, нетяжелые снаряды, – продолжал тем временем Эйно. – Толстые стенки им и не нужны, лишь бы при выстреле не разорвало. Снаряд получается довольно легким, только дно у него толстое...

День я провел на палубе, наблюдая за матросами, которые бесстрашно управлялись с парусами, с необыкновенной ловкостью балансируя на головокружительной высоте. Одна лишь мысль о том, что и мне, наверное, придется осваивать это потрясающее искусство, наполняла сердце ужасом, смешанным с восторгом. Эйно, время от времени выбиравшийся из темных глубин корабля, с усмешкой хлопал меня по плечу и произносил пару-тройку ободряющих фраз.

А разбудили меня до рассвета.

Иллари принес пухлый сверток, в котором оказалась одежда – чуть потрепанный, но дорогой кафтан, узкие штаны и желтые сапоги для верховой езды.

– Пришлось поискать, – сказал он, – но, кажется, все по размеру.

– Сапоги не годятся, – ответил я, демонстрируя ему свою узкую и длинную ногу. – Но у меня есть... мы – уже?

– Уже. Едва вошли в этот проклятый залив, будь он неладен. Эйно ждет тебя, позавтракаешь в баркасе. Слушай, – он сел на мою койку и поднял на меня немного встревоженные глаза, – я вроде как за тебя отвечаю. Эйно зверь, конечно, но там может быть всякое, знаешь как оно... я могу быть уверенным, что ты сумеешь постоять за себя? На бойца ты, если честно, не похож. Клинку учили?

– Учили хорошо, учился плохо, – честно признался я. – Но я шустрый, мой учитель так и говорил.

– Хорошо, ладно. Бери свой меч, да и вот еще что – от меня, в сумку засунешь, – и с этими словами Иллари протянул мне пару коротких двухствольных пистолетов и мешочек с пулями. – Бьют как демоны, не думай. Порох тебе Эйно даст.

– У меня есть.

– Свой можешь себе знаешь, куда засунуть, – скривился он. – Знаю я ваши пороха, на них только курей жарить.

Я влез в свои сапоги, зачесал назад влажные после умывания волосы, и принялся ладить к поясу меч. Перевязь я предусмотрительно спрятал под кафтан – пропустив ее в поясные кольца, я застегнул наконец все пряжки и вопросительно поглядел на Иллари.

– Хорош, – кивнул тот, улыбаясь одними глазами. – Ну... пошли, Эйно ждет.

Предраассветный туман был густым, как сметана. Задрав голову, я с трудом сумел разглядеть лишь гафель нависавшей надо мной бизани, верхушка мачты терялась в серой мути. С левого борта на волне покачивалась довольно большая шестивесельная лодка – на румпеле спокойно покуривал Эйно, спрятав лицо под мятой широкополой шляпой с вышедшей из моды лентой. Я спустился по веревочному трапу, шлепнулся рядом с ним на банку, и один из матросов с силой оттолкнулся веслом от влажного борта корабля.

– Держи. – Эйно откинул край белой тряпицы, и я увидел половину жареного цыпленка, ломоть хлеба и кувшинчик с вином. – И тихо мне.

Уключины были обильно смазаны дегтем. Медленно, осторожно окуная весла в воду, матросы двинули наше суденышко к невидимому пока берегу. Впереди была Гайтания; ежась от неприятного ветра, я принялся за свой завтрак, попутно размышляя о том, какие опасности могут поджидать нас в этой стране. Слова раненого запали мне в душу, и сейчас меня терзала мысль о том, что за личиной пеллийского корсара скрывается нечто куда более значительное. И действительно, какие дела могли привести этот весьма странный корабль к нашим берегам? Пеллия скрыта за бескрайним океаном, и мы почти ничего не знаем ни о ней самой, ни об окружающих ее землях – так, только слухи, приносимые на языках тех редких купцов, что решились на такое далекое, полное опасностей путешествие. Да и то, большинство из них доходили лишь до островного королевства лавеллеров, лежащего посреди океана. Лавеллеры, попадая к нам, любили прихвастнуть о гигантских континентах, что лежат к западу от их архипелага, о заброшенных городах и целых странах, покинутых обитателями – да только верили им мало.

Я знал, – и брат Сайен подтверждал книжную мудрость, – что наш мир необъятно велик. Ни одна, даже самая большая каракка не может достичь западных земель и вернуться обратно, не пополняя запасы воды и провизии. Плавание может оказаться дорогой в никуда. Мы были всего лишь беспомощными букашками, вцепившимися в свой клочок земли, дающий нам скудное пропитание и такие же скудные надежды – и не мечтали о большем. А пеллийцы, оказывается, научились каким-то новым, неведомым мне мечтам и устремлениям, я чувствовал это, исподтишка разглядывая острый профиль Эйно, затененный старой шляпой.

Из тумана неожиданно вынырнула узкая полоска пляжа. Матросы затабанили, и Эйно поднялся на ноги. Подчиняясь его короткой команде, один из них неожиданно поднял меня на руки, бережно, как девицу, посадил на свое широкое плечо, и перебрался за борт. Воды там было ему по пояс. Двое других проделали точно такую же операцию с Эйно.

– Нам не следовало мочить ног, – тихо объяснил он, глядя, как матросы несут на берег небольшой сундучок. – Здесь рядом – поселок. Мы обойдем его по холмам, так, чтобы спуститься с противоположной стороны, и купим у одного человека лошадей.

– Он предупрежден? – спросил я, ощущая легкую дрожь предстоящего приключения.

– Он ждет гостей, – едва слышно усмехнулся Эйно.

Глава 3

Купленная для меня лошадь оказалась с норовом. Каурая кобылка то и дело взбрыкивала, нервно реагируя на повод, и злобно храпела, оглядываясь на массивного черного мерина Эйно. Сказать по совести, я с удовольствием поменялся бы с ним, но, к моему изумлению, он держался на лошади еще хуже, чем я. Эйно трясся в седле, словно древний монах, на склоне лет впервые посланный за милостыней. Езда доставляла ему мучения, но он героически делал вид, что все в порядке и даже улыбался, нещадно отбивая спину своего черного евнуха.

– Да, – сказал он, когда мы взобрались на невысокий холм, и внизу появились башенки городка, фальшиво вызолоченные закатным солнцем, – ну не рожден я для седла... честно говоря, я родился в таком же маленьком поселке – только стоял он на берегу огромной бухты, куда часто заходили королевские корабли. И рос я, соответственно, уже в море.

– Ваш отец был вельможей? – осторожно поинтересовался я.

– Моему отцу принадлежала половина побережья нашего острова, – вдруг скривился Эйно и, неловко ткнув мерина каблуками, бросил его вниз по склону.

Моя кобыла рванула следом без команды.

Городишко встретил нас запахом жареных цыплят и криками святых братьев, созывавших народ на вечернюю молитву. В Гайтании молиться любили. Типичный гайтанец представлялся мне неряшливым скрягой, готовым удавиться за каждый медный грош, зато всегда радующимся молитве как способу выпросить у богов побольше этих самых грошей. Разглядывая грязноватые вывески различных заведений, Эйно осторожно вел меня по узким улочкам – в сточных канавах копошились чумазые дети, из окон вторых этажей то и дело высовывались женские лица в обрамлении несвежих чепцов, – и наконец он уверенно остановил коня возле довольно чистой таверны под названием «Старый мост». По-видимому, решил я, моряк искал дорогу, руководствуясь ранее описанными ему ориентирами. Для него, владевшего сложным искусством навигации по солнцу и звездам, это не было трудной задачей.

Привязав лошадей, мы вошли в большой зал, освещаемый стрельчатыми окнами, напоминавшими собой бойницы старых замков. Народу здесь было полно – под темными деревянными балками потолка гудел разноголосый гомон, – но его явственно перекрывал визгливый мужской голос:

– Мозги, я говорю! Мозги, бездельник! Вчерашние, э? Не врать мне! Вчерашние у тебя мозги?

– Что вы, сье, – отвечал разносчик, – мозги у нас самые что ни на есть свежайшие, сегодняшние... извольте видеть... А если мозги вам так не по вкусу, то извольте приказать вот супчику... джонджолей под головизну, все самого первого сорта...

– Джонджолей! Мозги мало того, что вчерашние, так еще и недожаренные!..

Эйно повернул на голос, и я увидел упитанного господина средних лет, одетого в модные, но уже изрядно заляпанные жиром одежды гайтанского вельможи. Под неряшливым кафтаном виднелась темная, тонкой работы кольчуга, – а впрочем, разглядеть ее ценность мог лишь взгляд внимательного или посвященного. Я всегда славился своей наблюдательностью. Это был солдат, вернее, офицер гайтанского короля, старавшийся, чтобы его принимали за повесу. Именно в его компанию и устремился Эйно.

– Айек! – горестно воскликнул моряк. – Старый Айек!

– О небо, старина! – завопил вдруг наш таинственный обжора. – Какими судьбами, здесь, в этой проклятой дыре!

– Бежим, бежим с малолетним сыном... это все, что у меня осталось, друг мой. Может быть, вы не откажетесь угостить двух нищих странников, спасающихся от варваров, разоривших нашу прекрасную землю?

– Императорских червей, да побольше! – рявкнул Айек. – Принесите вина! И уберите, наконец, эти ваши м-мозги, чтоб они приснились твоему повару, негодяй!

У него были лукавые, веселые глазки. Пухлые пальцы вельможи то и дело шевелились, теребя то вилку, то смятую полотняную салфетку, – в этих лукавых глазах проглядывала тревога.

– Рад приветствовать, – прошипел он, когда разносчик, подхватив блюдо с недожаренными мозгами, умчался в поисках неведомых мне «Императорских червей».

– Где мои векселя? – так же тихо проговорил Эйно по-гайтански.

– Он не прибыл, дружище... я жду его с самого утра, но его все нет. У меня есть кое-какие сомнения... сейчас мы поужинаем, и я отведу вас в одно место – здесь неподалеку: может быть, он ждет меня там. Но это странно...

– Это действительно странно, – Эйно недобро закусил губу.

– Вы что же, подозреваете меня?

– Я не говорил этого.

Айек шумно рыгнул и неожиданно поднялся из-за стола.

– Какой вздорный тип, – пробормотал я, неприязненно глядя ему в спину.

– Для тебя, – тихонько рассмеялся Эйно. – И для всех остальных, для тех, кто запомнит орущего обжору и пару неприметных беглецов...

Он вернулся через несколько минут – довольно икая и застегивая на ходу свои аляповатые бархатные штаны. Почти тотчас же к столу подбежал разносчик.

– Ваши черви, граф, – подобострастно объявил он, расставляя на столе множество глиняных горшочков.

Заглянув в один из них, я обомлел: передо мной, видимо, находились самые настоящие черви, замоченные в винном уксусе. О таком блюде мне слышать не приходилось. Я поднял на Айека недоуменные глаза, но тот добродушно махнул пухлой ладошкой:

– Превосходная закуска, сынок. Князь, вы разрешаете своему малышу пить вино?

– Этот малыш – мой лекарь, – проскрипел Эйно с непонятным мне раздражением. – Если он не научится пить, то проживет, право слово, совсем недолго.

Глотнув сладкого, как мед, вина, я решительно загнал свою вилку в горшок с проклятыми червяками. К моему изумлению, они оказались весьма недурны, отдаленно напоминая устриц. Путешествие по пыльным гайтанским дорогам утомило меня, и я сам не заметил, как умял весь горшок.

– Ну что, – громко спросил Айек, глядя на Эйно, – вы утолили свой голод, друзья? Пойдемте отсюда – я знаю место, где хозяйка подает превосходное вино.

На стол звонко шлепнулась монета, и мы вышли на улицу.

Не говоря лишнего, Айек отвязал своего грязно-белого жеребца и коротко махнул рукой в красной перчатке.

– За мной, господа.

Вскоре городок оказался за нашими спинами. В сгущающихся сумерках мы перебрались через глубокий зловонный ручей и выехали на небольшой луг. На опушке леса темнело какое-то приземистое строение.

– Это что же, хлев? – поинтересовался Эйно, недовольно втягивая носом воздух.

– Нет, – отозвался Айек – всю его визгливость как рукой сняло, теперь он говорил ровным, уверенным баритоном, – раньше здесь жил святой отшельник. Лет десять назад он подох, пытаясь ублажить жирную деревенскую девку. Теперь тут ночуют пастухи. Но сезон окончен, овцы острижены, а келья пустует... кроме тех ночей, когда ею пользуются робкие местные влюбленные. Шпоры, господа: мне кажется, я вижу внутри свет.

Вблизи келья оказалась довольно ладным домиком, сложенным из разновеликих булыжников. Тростниковая крыша поросла мхом и, наверное, хорошо защищала пастухов от непо-

годы. Айек спрыгнул с коня и толкнул тяжелую, окованную ржавым железом дверь. Я двинулся вслед за ним.

За широким дубовым столом, освещенным ярким пламенем дорогой восковой свечи, сидел крупный мужчина с бородой, наряженный пилигримом. Мне сразу же бросились в глаза свежие кровоподтеки на его белом как снег лице. Ничего другого я разглядеть не успел, ибо на грузное тело графа что-то бесшумно рухнуло сверху – и сразу же я ощутил, как чьи-то руки валят меня на пол.

Мое секундное замешательство позволило негодяю осуществить задуманное, но дальше включилась привычка, намертво забитая в меня старым бретером са Камором. Бандит действовал на удивление неловко – вместо того, чтобы сразу же полоснуть меня по горлу, он для чего-то прижал меня к полу коленом и выпрямился: наверное, ему было интересно, что там происходит с графом Айеком. Это была глупая, очень глупая ошибка, – лишь когда мой меч пробил его грудь насквозь и я смог вскочить на ноги, я понял, что сражался с толстопузым деревенским увальнем в старом плаще с капюшоном. Ну, а са Айека спасла кольчуга да странная для его телосложения ловкость. Неведомо как он вырвался из стальных клещей жилистого молодого парня, который, верно, прятался под самой крышей, – но, вырвавшись, граф не пожалел своего роскошного кафтана и пустил в ход припрятанный в кармане пистолет, выстрелив в обидчика прямо через ткань.

– Эйно! – закричал я, понимая, что против серьезного противника мне здесь не выстоять. – Эйно!

Он вбежал в келью, сжимая в одной руке окровавленную саблю, а в другой – короткий казнозарядный карабин, навывлет пробивающий человека в самых тяжелых доспехах.

– Там было двое... Айек, что это?! Ты привел меня в засаду?

– Все... гораздо... хуже... – неожиданно захрипел бородатый мужчина за столом, поднимая на нас измученные долгой болью глаза. – Бумаги... у главаря.

– Маттер, займись им! – рявкнул Эйно. – Айек, за мной!

Увы, но я был беспомощен. Из бородача выпустили слишком много крови: они делали это долго, расчетливо, так, чтобы доставить несчастному максимально возможные страдания, – и теперь он умирал.

– Скажи им, – тихо простонал он, – скажи графу, что все гораздо хуже, чем он думал. Все бумаги... все бумаги у черного.

Я мог только облегчить боль. Вскоре Эйно и Айек вернулись в келью. Бородач еще дышал, но мои руки отправили его в мир грез – и только травы, которых со мной не было, смогли бы вернуть его к реальности. Впрочем, в его услугах уже не было нужды. Эйно расстегнул заляпанную кровью кожаную сумку и нетерпеливо выхватил из нее грубо распечатанный пакет.

– Ах, проклятье! – выкрикнул он, едва глянув на тонкие желтые листы. – Кто бы мог подумать!

Дальше последовала фраза на непонятном мне языке – вероятно, он изливал свои чувства по-пеллийски. Не обращая на него внимания, Айек сунул мне небольшую обтянутую кожей флягу.

– Ну ты молодец, мальчик, – сверкнул он глазами, глядя на окровавленный труп в сером плаще, – передавай привет своим учителям...

– Увы, – скривился я, давась терпким и неимоверно крепким вином. – Я с севера.

– Ах ты!.. – помотал головой Айек и отвернулся. – Он умрет? – спросил он у меня, с нежностью глядя на бородача.

– Он уже умирает, – ответил я. – Здесь я ничем не могу помочь: они слишком долго пытали его.

– Знаешь, я почти не знал этого человека, – произнес Айек, не смотря на меня, – а ведь мы работали с ним не один год. Да, немало дел и денежек прошло через наши с ним руки. Теперь мне придется выкручиваться одному. Грустно, э?

– Мне очень жаль, сье, – вздохнул я и снова приложился к фляге: меня трясло.

– Нам нужно сматываться, – резко произнес Эйно, пряча пакет с бумагами под одежду. – Айек, я могу забрать тебя с собой и высадить южнее. Пойдешь?

– Князь, я боюсь воды, как преисподней, – грустно отозвался тот. – Не беспокойтесь обо мне, я справлюсь сам. Лучше бы вы подарили мне свой новомодный карабин...

– Он пеллийский, – удивленно нахмурился Эйно, – центрального боя, на пять зарядов. Где ты найдешь патроны?

– Они уже перестали быть такой проблемой, князь.

– Тогда держи, – все еще удивленный, Эйно бросил вельможе свое оружие, и тот, на лету перехватив тонкое тело карабина, нежно погладил его рукой:

– Купить такой я не могу... а патроны как-нибудь достану. Прощайте, князь! Вы всегда найдете меня! И не возвращайтесь в эту проклятую дыру. Прощайте!

Когда мягкий стук копыт растаял в темноте, Эйно внимательно посмотрел на меня:

– Ты зарядил пистолеты?

Я вытирал свой меч о грубую холстину убитого мною разбойника. Удивленно подняв брови, я выпрямился и достал оба пистолета, те, что дал мне Иллари, – в них были заряды, снаряженные мелким, как пыль, пеллийским порохом: я заряжал их при Эйно.

– Вы же видели...

– Тогда к морю. Видят боги, суша приводит меня в ужас! Задууй свечу.

Нещадно пиная лошадей пятками, мы провалились в ночь, благо вечерняя луна была скрыта темными осенними тучами. Через пару часов отчаянной скачки (наверное, знаменитые гайтанские драгуны, глядя на нас, померли бы с хохоту) боги указали Эйно дорогу, которая вела к морю.

– Князь, – негромко позвал я, когда он пустил своего измученного мерина шагом, – дело действительно так плохо?

– Никогда не называй меня князем, – ответил мне из темноты преувеличенно ровный голос, – если не хочешь получить по ушам. Да, дело плохо. Возвращение домой откладывается. Нам придется спуститься еще южнее... и мы наверняка прозеваем западные ветры. Проклятье! Я надеялся вернуться на Острова раньше, чем в этом полушарии наступит зима.

Не решаясь тревожить моряка своей болтовней, я погрузился в размышления. Ситуация будоражила меня: гайтанский граф, работающий для пеллийского корсара, сражение с загадочными разбойниками, явно нанятыми для того, чтобы захватить всех нас, наконец, странные векселя, из-за которых умер бородатый шпион... что все это могло значить? Какие векселя могут стоить того, чтобы из-за них гнать через океан новейший, прекрасно оснащенный корабль? Какие вообще демоны могли заставить Эйно высаживаться здесь, в Гайтании – разве далекая, совершенно чужая для нас Пеллия имеет здесь какие-либо интересы? В последнее мне совершенно не верилось. Страна, отстоящая *так* далеко, не может иметь никаких интересов в землях, отделенных от нее тысячами миль океана. Даже если этот океан преодолим для ее судов! Торговля – может быть, но политика: о, нет! Это чепуха. Но что же тогда?

Качаясь в жестком седле, я и не заметил, как далеко на западе появился ущербный серп утренней луны. Вскоре мое ухо уловило далекий шорох прибоя. Эйно снова вывел нас верной дорогой. Четверть часа спустя лошади спустились на галечный пляж, и Эйно отстегнул небольшую седельную сумку.

Только теперь я заметил, что сундучок, с которым мы покинули таверну, исчез. Наверное, решил я, в нем была плата для графа Айека, и он принял ее, не тревожа работодателя. Это было благородно с его стороны... Эйно тем временем завозился перед небольшой склад-

ной треногой, водружая на нее нечто, напоминающее собой толстую колбасу с крохотными крылышками по бокам. Не понимая, что он делает, я почел за благо отойти в сторону. Седой высек искру, поднес к «колбасе» маленький язычок пламени, и она вдруг злобно зашипела в ответ. Эйно отшатнулся – неожиданно взвизгнув, ракета сорвалась с места и ушла в темное еще небо, чтобы, дугой домчавшись почти до горизонта, вспыхнуть там ослепительно-яркой зеленой каплей.

– Я видел такие на ярмарках, – заметил я, давясь горьким дымом.

– Такие? – скептически отозвался мой наставник. – Ну, я так не думаю. Сейчас нам ответят.

Словно услышав его слова, над горизонтом вспыхнул крохотный красный глаз. Он горел несколько секунд, медленно опускаясь в море – поглядев на его падение, Эйно удовлетворенно вздохнул и вернулся к лошади.

– Можно позавтракать, – сказал он мне, вынимая из сумки холодного гуся и вино.

Когда гусиные кости ушли на корм крабам, а вино развеселило наши сердца, в светлеющей дали появился характерный силуэт «Бринлеефа», совершающего поворот – чуть накренившись под ветром, барк шел к берегу.

* * *

Проснувшись – вскоре после полудня, – я наскоро позавтракал и поднялся наверх, в светлую каюту, служившую моим новым друзьям чем-то вроде штаба. В глубоких креслах сидели Эйно и Иллари, небрежно помахивавший тонким высокогорлым кувшином. Старик Тило, упершись локтями в столешницу, в глубокой задумчивости катал по картам небольшой хлебный шарик.

– А, вот и он, – лениво приветствовал меня Эйно. – Надеюсь, тебе не приснился тот жирный ублюдок, которого ты наколол на свой палаш, словно цыпленка?

И он тихо хохотнул, лукаво поглядывая на Иллари.

– Хорошее получилось бы жаркое, – меланхолично отозвался тот. – Малый, тебе еще не приходилось бывать в Шахрисаре?

– В Шахрисаре? – поразился я. – О боги, конечно же, нет. Чтобы меня продали в рабство? Благодарю покорно. Шахрисарские пираты, по слухам, уже почти уничтожили всякую торговлю со своими ближайшими соседями, а уж про наших купцов и говорить нечего...

– Пираты... – эхом повторил Эйно. – Да, пиратов в Тиманском море достаточно. Скоро они, пожалуй, станут жрать самих себя. Но ничего, не нам, в конце концов, их бояться. Пойдем-ка наверх: я хочу ветра, как пьяница водки.

– Мы идем в Шахрисар? – нерешительно спросил я, когда долгожданный ветер ударил мне в спину, заставив вцепиться в гладкое дерево поручней, что ограждали верхнюю часть кормовой рубки.

Эйно задрал голову и принялся разглядывать наполненные солнцем и ветром паруса. Потом он достал из-под полы своей куртки уже привычную мне трубочку.

– Да, – ответил он. – Боюсь только, что на обратном пути всему экипажу придется жрать сплошную солонину с закисшим дешевым вином. Ну ничего, может быть, мы что-нибудь придумаем.

– Вы уже бывали там?

– Давно, – голос Эйно прозвучал глухо. – Мальчишкой-рабом...

Я содрогнулся. Участи шахрисарского раба не мог позавидовать даже мученик из числа тех, что так почитаемы в Гайтании. Как же он выжил? И, раз выжил, то как же бежал – домой, в далекую Пеллию? Это казалось совершенно немыслимым.

– Меня захватили лавеллеры, – пояснил Эйно. – В те годы у нас шла война. Совсем небольшая – но мне от этого было не легче, потому что отец, несмотря на целые годы поисков, так и не смог найти и выкупить меня. Но не бойся: тебе рабство не грозит. Мы должны попытаться найти ответ на один очень важный вопрос. Когда-нибудь ты узнаешь все, – моряк повернулся ко мне и весело сверкнул глазами, – а пока ты должен сопровождать нас с Иллари и учиться.

– Учиться? – удивился я.

– Да, пока только учиться. Учить языки и обычаи, заводить знакомства среди тех, с кем тебе придется торговать и сражаться. Без этого ты не сможешь исполнить свое предназначение.

Его слова заставили меня погрузиться в задумчивость. О каком предназначении он говорил, этот непостижимый пеллиец? Разве я был взят на борт не в качестве врача? Слишком много людей – людей, с которыми судьба столкнула меня в последнее время, – говорили со мной туманно и загадочно. Эйно, Иллари, таинственный вельможа с раненой ногой, которого «Бринлееф» подобрал на западном берегу моей несчастной страны. Чего они все от меня хотели, эти странные люди?

– Мы войдем в Тиманское море через Врата Белых Бурь. Купцы не решаются идти этим путем, даже большой военный фрегат сильно рискует разбиться на скалах – но мы попробуем. Тебе предстоит настоящее испытание – зато потом, до самых проливов, мы будем в полной безопасности. Ни одному пиратскому вожаку и в голову не придет караулить добычу на этом курсе.

«Вряд ли пиратские галеры, вооруженные лишь мелкими пушчонками, способны причинить вред такому гиганту, как „Бринлееф“, – подумал я, глядя, как несколько матросов окутывают зашитую металлом палубу из толстой кишки: двое качали рычаги насоса, а еще трое, смеясь, держали дергающийся, извивающийся в руках шланг. – Скорее всего, они даже не смогут его догнать. Под свежим ветром барк идет куда как ходко, за ним, пожалуй, не угонится даже трехмачтовый фрегат».

Резко хлопнув меня по плечу, Эйно развернулся и скатился вниз по трапу, который вел на палубу, чтобы исчезнуть в одном из многочисленных люков. Оставшись в одиночестве, я еще недолго понаблюдал за матросами и уже собрался было идти к себе, как вдруг наверх выбрался верзила Перт.

Ломая язык плохим гайтанским и беспрестанно похохатывая, он предложил мне спуститься вместе с ним на палубу. Отведя меня к самой фок-мачте – по пути матросы деловито облили меня до пояса, что вызвало у рулевого настоящий припадок веселья, – Перт представил меня мрачному, жилистому старику-боцману в тесных кожаных штанах и жилетке на голое тело. На поясе у него висел характерной формы чехол с пеллийским биноклем.

– Давай, Жиро, – предложил он боцману, – подними-ка господина доктора на самый верх. Только смотри мне – отвечаешь за него головой.

У Жиро были длинные седые волосы, собранные на затылке в косу, и невероятной, просто ярмарочной длины усы: правый ус он забрасывал себе за ухо, а левый доходил ему едва не до груди, испещренной уродливой сеткой мелких сабельных и осколочных шрамов.

– Руки у парня ничего, – ответил Жиро по-гайтански, – наверное, лазил в детстве по деревьям.

– Это правда, – немного покраснел я, пьянея от мысли, что сейчас мне придется карабкаться по вантам на немыслимую высоту.

– На самый верх мы, конечно, не полезем, – тихо предупредил Жиро, отводя меня к левому борту корабля. – И смотри: если там, на высоте, у тебя «заклежит» пальцы и ты решишь, что спускаться вниз слишком опасно – подыши как следует, морем полюбуйся... оно и отпустит. Ясно?

– Ясно, – немного нервно отозвался я и схватился за канат.

Я остановился на верхнем фор-марса-рее. Отсюда, с высоты в несколько десятков локтей, белые барашки волн казались далекими и какими-то игрушечными, ненастоящими. Как ни странно, но ожидаемого ужаса я не испытывал. Барк почти не качало, и я стоял на рее, держась рукой за какой-то туго натянутый фал, нисколько не боясь упасть: наоборот, мне было весело и интересно.

– Ну что? – спросил Жиро, тревожно всматриваясь в мою физиономию. – Не страшно? Я смотрю, из тебя получится отличный моряк.

– Получится, – тихо отозвался я, втягивая в легкие пьянящий морской воздух. – Получится, вот увидите...

Глава 4

Так прошло десять дней.

Все это время Перт, практически не давая мне передышки, гонял меня по всему кораблю – повинаясь его странным, как мне сперва казалось, капризам, я то забирался на самые верхушки мачт, то с грохотом валился в душную черноту люков, чтобы оказаться в поскрипывающем чреве необъятного «Брина». Попутно он учил меня языку. С чужими наречиями у меня было легко, и скоро я научился вполне сносно понимать его речь – тягучую, пересыпанную двойными гласными и шипящими. Я не без удивления заметил, что мозоли на ладонях, мучившие меня в первые дни, совершенно перестали восприниматься как таковые, качки я уже почти не ощущал даже на самых верхушках мачт, и даже стал находить определенную прелесть в ежедневном поливании палубы водой – а ведь беспощадный Перт чаще всего заставлял меня браться за рычаг насоса. Рулевой научил меня обращаться с компасом и показал, как тросы, хитроумно соединенные с главным штурвалом корабля, ворочают его громадный дубовый киль. После часов, проведенных рядом с ним на вахте, я стал разбираться в румбах и показаниях приборов, измеряющих скорость и направление ветра, а также показывающих, сколько миль в час делает наш громадный барк.

И наконец, я узнал главную тайну «Бринлеефа»: Перт объяснил мне, для чего предназначена высокая черная труба в средней части корабля. Для этого нам пришлось опуститься в душную полутьму машинного отделения, где, поблескивая надраенной сталью труб и паропроводов, стояли две машины корабля.

Признаться, я был не просто ошарашен – я был сражен наповал. Мне уже приходилось видеть подобные грохочущие механизмы – в последние годы они стали появляться на некоторых рудниках, принадлежавших особо удачливым купцам. Питаемые углем, эти чудовища откачивали из шахт воду и поднимали наверх лотки с породой. Приобретали их у лавеллеров; но на «Брине» стояли более совершенные, потрясшие меня механизмы. Через целую систему валов и тонущих в масле зубчатых колес, вращение передавалось на два странных по виду (видел я их, конечно, лишь на рисунках) винта, которые и толкали корабль вперед. Как именно это происходило, я понять не смог, но Перт и Жиро объяснили мне, что машина используется только в самых тяжелых случаях, тогда, например, когда из-за штиля или неблагоприятного ветра барк не может идти под парусами.

Единственное, что мне так и не показали, – это странные сооружения на палубе, все время скрытые под намертво зашнурованными брезентовыми чехлами. Сам я интересоваться ими не решился, уверив себя в том, что рано или поздно все тайное станет явным.

К тому моменту, когда впереди появились никогда не исчезающие туманы страшных Врат Белых Бурь, я научился читать карту, разобрался в закорючках пеллийского алфавита, и даже, как мне казалось, мог бы держать корабль на курсе. Я мало спал, ел, как никогда раньше, и всем своим существом ощущал, как та, прежняя моя жизнь становится все менее различной, готовясь и вовсе растаять в закатном сиянии моря. Странно, я даже стал забывать отца...

А мой пациент неожиданно поднялся на ноги.

Это произошло на одиннадцатый день после того, как «Бринлееф» лег на курс, который должен был привести его в страшное Тиманское море. После обеда я посидел с Тило над картами, а потом поднялся наверх – и, к изумлению своему, увидел его.

Раненый вельможа стоял, опираясь на толстую черную палку, рукоять которой была окочена серебром, и смотрел вперед, держа в свободной руке сложенную подзорную трубу. Качка – а приближение к Вратам давало о себе знать достаточно крупной волной, – его словно и не касалась.

– Со мной все в порядке, – с улыбкой проговорил он, предвосхищая мой незаданный вопрос. – Честно говоря, мне уже столько раз дырявили тушу, что лишняя дырка не имеет никакого значения. А ты... – он помедлил, щурясь, – уже успел загореть. Видно, Лоттвиц делает из тебя настоящего морского волка. Наверное, это правильно... Я слышал, тебя ждет Шахрисар? Это не самое лучшее место на свете, но знающие люди говорили мне, что есть и хуже.

– Н-не знаю, – промямлил я, действительно не зная, что ему ответить: величественный аристократ заставлял меня трепетать.

– Да, наверное, есть и хуже. В молодости я очень много путешествовал, видел и Юг и Север, видел бескрайние равнины, покрытые страшными, черными лесами, посреди которых стоят, давно забытые, Чужие Города... На Юге я дрался с кочевниками, в Пеллии – с Белыми Шапками. Пеллия, наверное, очарует тебя, но мне кажется, что тебе будет лучше поменьше соваться на сушу. Если, конечно, дело не касается островов.

– О каких островах вы говорите, са?

– О, – он рассмеялся и с неожиданной ловкостью извлек из голенища левого сапога причудливо изогнутую флягу, – ты все увидишь сам. Хочешь вина?

– Не откажусь, са.

Вино оказалось гайтанским, довольно дешевым, я даже удивился столь странному вкусу вельможи, – но все же я выпил с удовольствием. Возвращая флягу, я спросил:

– Вы сказали, что не станете плыть в Пеллию. Стало быть, вы высадитесь в Шахрисаре?

– Нет, – раненый помотал головой. – Меня высадят на противоположном берегу, в Сандасе. Шахрисар мне уже ни к чему, у меня сейчас другие дела. Меня с нетерпением ждут советники сандасского сатрапа: клянусь Саргази, я везу им хорошие новости.

На этом наша беседа закончилась. Спрятав флягу, вельможа поковылял вниз, а я, оставшись на мостике, долго еще думал о черных лесах за бескрайним океаном, о таинственных городах и о том, что может ждать меня в Шахрисаре.

* * *

Эйно рискнул идти через Врата под парусами.

Так сказал мне помрачневший Перт, прежде чем разразиться тирадой малопонятной мне пеллийской ругани, в которой он поминал чьих-то родственников, обвиняя их в греховной связи с морскими демонами.

Я еще не понимал, что происходит на самом деле, но уже начинал потихоньку догадываться – Тило как-то сказал мне, что войти во Врата гораздо легче, нежели преодолеть их в обратном направлении, чтобы вырваться на просторы океана. У нас было слишком мало угля! Слишком мало, поэтому такой риск Эйно предпочел риску оказаться запертым в Тиманском море. Как показало время, он был совершенно прав.

А пока – Перт занял свое место за штурвалом, а рядом с ним, покуривая громоздкую и очень старую глиняную трубку, расположился сам Тило. Ни Эйно, ни Иллари я не видел – впрочем, вскоре медная переговорная трубка требовательно взывала его голосом, Перт что-то ответил – стремительно, будто читал детскую скороговорку, и закричал в другую. Сквозь наклонные стекла рубки я увидел, как на мачтах появились матросы и, руководимые стариком Жиро, начали вязать рифы, убавляя нам парусов.

Вокруг «Бринлеефа» стояло туманное марево, не бывшее на самом деле туманом, – это бесчисленные брызги, вздымаемые разбивающейся о барк волной, обволакивали его удивительным облаком, затруднявшим видимость.

– Скалы! – услышал я голос Эйно из трубки. – Лево на пять румбов! Так держать! Теперь доверни левее!

Повинуясь рукам Перта, нос громадного корабля покатился влево. Я видел, как вздулись мышцы его предплечий и как прищурились выцветшие от старости глаза Тило – а через секунду мимо нас стремительно пронесло едва различимую белую громаду скалы.

– Держи правее! – неожиданно прошамкал Тило, не вынимая изо рта своей трубки.

Чтобы не упасть, я схватился рукой за надраенный медный поручень, приделанный к переборке – барк клало с борта на борт, я хорошо видел, как море прокатывает по палубе белые лавины воды, и в эти мгновения в мою душу властно ворвался страх. Я почувствовал, как меня тошнит, но это не было приступом морской болезни, нет: меня тошнило от ужаса. Вокруг нас были скалы.

Маневрируя, барк медленно продвигался вперед. Наверное, более легкий корабль неминуемо попал бы во власть неопишемого белого бешенства волн – и оказался бы выброшен на эти туманные бивни, постоянно омываемые сотнями тонн морской воды. Позже я часто думал о том, что именно в эти минуты – а мы шли сквозь Врата не более получаса, – я понял, в чем заключается истинное величие враждебной человеку океанской стихии.

Все закончилось неожиданно – волнение почти утихло, впереди ярко сияло солнце, и море показалось мне удивительно безмятежным, словно оживший густо-зеленый ковер, неумимо катящийся на юг тонкие серебристые барашки волн. Выбравшись из рубки, я стремительно взбежал по трапу и оказался на мостике.

Насквозь промокший Эйно невозмутимо покурил свою трубочку.

– Смотри, – сказал он мне, указывая за корму.

Уже достаточно далеко, не менее чем в паре миль от барка, я увидел пульсирующее марево тумана, поднятое бушующим морем. И теперь только я понял, чем мы рисковали.

Проход, с обеих сторон стиснутый тонушими в белой пене клыками скал, был достаточно узок – а ведь я знал, что там, в глубине этого каменного хаоса, Врата представляют собой бурлящий лабиринт протяженностью в несколько миль! Справа и слева от Врат до горизонта тянулись темные, неровные контуры скалистых островков, населенных лишь бесчисленным множеством морских птиц, которые бесстрашно ныряли в волну, добывая себе рыбу.

– Здесь сталкиваются два мощных течения, – пояснил Эйно, отряхивая с себя воду, – океанское – и более теплое, идущее из глубин Тиманского моря. Поэтому Врата опасны в любое время года. Обратно нам придется идти под машиной. Или – рисковать встречей с пиратами.

– Разве мы должны бояться галер? – поразился я.

Эйно негромко рассмеялся и потер в пальцах горячий чубук своей трубки.

– Разве я сказал, что мы должны их бояться? Я не хочу, чтобы обо мне заговорило все побережье. «Брину» еще не раз придется гостить в этих водах, и я не имею ни малейшего стремления к популярности. Если мы встретим пиратов, их придется топить...

Я попытался вспомнить все, что мне приходилось слышать о страшных галерах, терроризирующих почти все Тиманское море. Разумеется, даже целая свора этих суденышек не смогла бы продержаться против страшной артиллерии «Бринлеефа», бьющей, как я уже знал, на огромные расстояния, – но все же слава безжалостных головорезов, давно закрепившаяся за шахрисарскими разбойниками, холодила мне сердце. К тому же, как я знал, шахрисарские сатрапы имели и настоящий боевой флот, состоящий из больших океанских кораблей. Вспомнив про острый носовой таран нашего барка, я решил что дело не так уж плохо. Даже если Эйно не поможет артиллерия, он легко перетопит своих врагов таранными ударами бронированного носа.

– «Брин» строился для того, чтобы властвовать в любых водах, – произнес Эйно, многозначительно глядя на меня. – Я вынашивал этот проект в течение десятилетия. Раньше у меня были другие корабли, последний уже нес на себе броню, но меня не устраивала его артиллерия. А потом мой старинный друг Кошхар предложил одну идею, которая сперва казалась всем просто сумасшедшей... скоро ты поймешь, о чем я говорю.

Продолжая загадочно усмехаться, Эйно потрепал меня по плечу и скрылся в люке.

Несмотря на жаркое южное солнце, я зябко передернул плечами. Хозяин «Бринлеефа» вызывал у меня смешанные чувства – с одной стороны, я не мог не восхищаться им, но с другой он казался мне таким смеющимся демоном, непредсказуемым и смертельно опасным. Постояв еще немного на мостике, я поглазел, как матросы добавляют парусов, как Жиро и второй боцман Рейкл распоряжаются уборкой на палубе, и спустился к себе – меня ждала загадочная пеллийская фармакопея, изучить которую я поклялся в ближайшее же время.

Разбирая закорючки незнакомых мне слов, я и не заметил, как сгустились сумерки. Очевидно, в каюте командира уже отчаялись ждать меня к ужину – в дверь нетерпеливо постучала Ута.

– Ты что тут, спишь, что ли? – возмущенно поинтересовалась она. – На время не смотришь?

– Говори по-пеллийски, – машинально ответил я и, заложив нужную страницу кожаным шнурком, захлопнул тяжелый том. – Извини... читаю. Должен же я разбираться в ваших лекарствах?

На ее лице появилась виноватая улыбка.

– Да, ты, конечно, прав... но ужин никто не отменял.

По возможности – то есть тогда, когда наш узкий круг «старших офицеров» был свободен от вахты или каких-либо неотложных дел – мы собирались на ужин в той самой каюте, в которой я впервые познакомился с Эйно, Тило и Пертом. Я не очень понимал, какие обязанности возлагаются в экипаже на Уту, но она неизменно садилась с остальными. Она же и прислуживала за столом – не являясь, как я понимал, прислугой в полном смысле этого слова.

– Прошу извинить меня, – заявил я, входя в каюту, – но пеллийские медицинские книги не слишком легки для моего понимания.

– Ты строишь пеллийскую фразу так, как это принято в ваших краях, – иронично приподнял бровь Эйно, – а говорить все же следует попроще... садись к столу. У нас как раз баранина из твоего Элливар.

– Вы заходили в Элливар? – удивился я. – Вы никогда не говорили мне об этом.

– Мы уже долго болтаемся по морям, – неопределенно протянул Тило. – Иногда мне кажется, что хозяин задумал проверить барк в кругосветном путешествии.

Иллари молча налил мне полный кубок вина и придвинул тарелку с мелкими солеными орешками, которыми пеллийцы закусывали при всяком удобном случае. Баранина, на мой вкус, оказалась излишне сдобренной пряностями, но я так проголодался за книгами, что вцепился в свой кусок, как пес.

– Так вот, – Эйно отодвинул пустые тарелки, расчищая себе место на столе, тщательно вытер салфеткой жирные пальцы, и достал из кармана куртки небольшую свернутую карту. – Проливы, понятное дело, измениться не могли. За двадцать лет их не размочит штормами, верно? Смотри, Тило, – это эскиз князя Рорбаха, сделанный им самим в годы Желтой Луны, когда он заходил сюда со своими товарищами. Глядя на эту карту, я и сам многое вспоминаю. Конечно, я был тогда мальчишкой, но все же... смотри – здесь хорошо даны глубины и течения...

Глянув на карту, Тило недовольно зашевелил губами, словно бы подсчитывая что-то в уме, – в эти мгновения он напоминал купца, сидящего в лавке над дневной выручкой.

– И я, по-твоему, должен буду выводить отсюда «Бринлееф»? – спросил он, взглядываясь в карту. – Сплошные островки. Встречные течения!

– Здесь глубоко даже в отлив, – начал было Эйно, но тут сверху раздался протяжный крик вахтенного офицера:

– Огни по левому борту! Огни большого корабля!

– Проклятье! – Эйно вскочил на ноги, и мы все последовали его примеру.

Выбравшись на мостик, я нетерпеливо развернул свою подзорную трубу, с которой расставался только в постели, и принялся обшаривать горизонт. В небе, как раз с правого борта, ярко желтел серп Эттилы. В ее неверном сиянии черный силуэт громадного барка был прекрасно различим для наблюдателей чужака. Вскоре я увидел его! Это был военный корабль, большой трехмачтовый фрегат с двумя артиллерийскими палубами, он скользил по серебрящейся волне, легкий бриз надувал его темные паруса.

– Поворачивает к нам, – глухо заметил Иллари.

– Сумасшедший, отец его демон, – отозвался Эйно. – Если это шахрисарец, то он откроет огонь без предупреждения: я хорошо знаю, что делается в башке у этих ненормальных бородачей. Они готовы стрелять во все, что попадается на глаза. Палубные команды – к орудиям. Раздраить кранцы первой подачи, но порты пока не открывать. Приготовить носовую пару. Маттер! Бери свой сундук и беги в нос, скажешь Жиро, чтобы он расположил тебя в орудийном каземате – если раненые и будут, то, скорее всего, там или на верхней палубе.

Неловко отдав честь, я сбежал вниз. Через несколько минут, таща в руках свой ящик, я уже представился Жиро и передал ему приказание командира.

– Иди туда, – махнул он рукой в сторону носа. – Рикко! Возьмешь врача к себе. Приказ хозяина!

Рядом со мной появился здоровенный детина в кожаной куртке со множеством карманов. Не говоря ни слова, он подтолкнул меня вперед, и я послушно нырнул в черную пасть раскрытого люка, чтобы вскоре оказаться в большом, ярко освещенном лампами отсеке. За моей спиной шархнула бронированная дверца.

Не веря своим глазам, я разглядывал две огромные пушки, установленные на сложном станке со множеством тускло поблескивающих рычагов и каких-то цилиндров. Стройные стволы пушек смотрели несколько вверх; я увидел массивные пасти раскрытых затворов и длинные ящики с коническими, заостренными снарядами, стоящие в углублениях по обе стороны от орудий. Вокруг пушек, что-то подкручивая, сустились несколько матросов.

– Садитесь сюда, господин, – распорядился Рикко, указывая мне на металлический стульчик, приделанный к переборке на высоте моего плеча.

В это мгновение переговорная трубка зарычала далеким голосом Иллари:

– Раскрыть ворота!

Рикко махнул рукой, и матросы схватились за здоровенные колеса, отлитые из какого-то желтого металла, напоминавшего начищенную бронзу – колеса мягко провернулись, и я увидел, как часть переборки поползла в сторону, пуская в каземат холодный ночной воздух. Броня расплзалась в стороны, открывая порт носовой батареи, расположенной прямо под выдающимся в море бушпритом! Я еще никогда не видел и даже не слышал о таком способе размещения орудий. И тут же я понял, отчего створки раскрываются так широко, – пушки стояли на массивной поворотной платформе, позволявшей менять угол горизонтальной наводки!

«Бринлееф» разворачивался носом к своему неведомому противнику. Со своего насеста я уже видел темный силуэт приближавшегося к нам фрегата. Он шел на всех парусах, готовясь ударить по барку орудиями правого борта. В том, что он ударит, я уже не сомневался – в трубу я видел и открытые порты, и даже суету канониров на верхней палубе.

Секунду спустя я убедился в том, что не ошибался. Сразу несколько орудий фрегата полыхнули яркими вспышками, и я, клянусь, сумел разглядеть целую гроздь ядер, летящих в нашу сторону.

– Заряжай! – проревел Рикко.

Матросы живо затолкали в лоток гладкий, маслянисто блестящий снаряд, затем – по два больших черных цилиндра, замки гулко ударили, закрываясь, и пушки вдруг поднялись, выровнялись и выползли из порта наружу.

«Почему мы не стреляем?» – недоуменно заерзал я.

Мне еще не было страшно – хотя, наблюдая за полетом вражеских ядер, я пребывал в полнейшей уверенности: сейчас все они ударят в борт нашего корабля. Этого, разумеется, не произошло. Судя по далеким всплескам, они упали в воду с хорошим недолетом. Но второй залп, как мне казалось, должен был быть более удачным.

Офицер Рикко, по-видимому, переживал куда меньше меня. Между пушек поднялся какой-то прибор, по виду напоминавший прозрачный веер. Прикинув к нему, Рикко без особых усилий подкручивал большие металлические штурвалы, находившиеся у него под руками. Стволы медленно опускались вниз, одновременно поворачиваясь влево.

И тут шахрисарский фрегат дал второй залп, на сей раз уже всем своим бортом!

Вой, всплески, фонтаны воды! И два гулких удара в борт «Бринлеефа», заставившие меня втянуть голову в плечи от неожиданного ужаса.

«Раненые! – подумал я, готовясь бежать на палубу. – Там могут быть раненые!»

Но команды покинуть каземат не было – вместо этого раздался деловитый, удивительно спокойный голос Эйно:

– Рикко, разломайте это старое корыто. Спасшихся быть не должно.

Очевидно, артиллерист уже давно держал врага под прицелом. Он только махнул рукой – и два матроса одновременно ударили по каким-то педалям. Ду-дух!!! От грохота я едва не упал со своего места. Первые секунды я совершенно ничего не слышал – да, признаться, об этом я и не думал: я смотрел. Конические снаряды, ударив фрегат едва выше ватерлинии, разорвались в недрах его нижних палуб, производя там ужасные разрушения и мгновенно вызвав пожар. Пушки ушли вниз, подставляя раскрывшиеся затворы. Матросы стремительно зарядили орудия, вернули их в боевое положение, а Рикко, предупреждая подняв левую руку, принялся изменять градус наводки.

Вот он отпрянул от прицела, рука упала вниз. Хорошо, что я успел раскрыть рот!

Вторая пара снарядов, наполнив каземат горьким дымом сгоревших порохов, умчалась к шахрисарскому кораблю. На этот раз они попали в носовую часть судна. Фрегат мгновенно заволокло дымом. Когда он немного рассеялся, я увидел, что на поверхности воды, в бурлящем водовороте, плавает искореженная носовая часть судна с торчащим в небо бушпритом. И – бочки, несколько десятков каких-то бочек и ящиков.

Ни одного моряка на поверхности я не видел.

Невероятно: всего лишь четырьмя снарядами пушки «Бринлеефа» разорвали в куски большой, прекрасно оснащенный военный корабль! Едва ко мне вернулся слух, как я подхватил свой ящик с лекарствами и выскочил на палубу. На мостике возвышались фигуры Эйно, Иллари и Тило. Перт, очевидно, стоял за штурвалом. Пробежав по палубе, я взобрался по трапу и выпалил:

– Где... раненые?

– Насколько мне известно, раненых нет, – отозвался Эйно, с улыбкой глядя на меня. – Интересно, куда этот Рикко послал второй залп? Ставлю свою трубку, что снаряды угодили в пороховой склад. Иначе эти олухи не взлетели бы под самые небеса. Иллари, – позвал он своего товарища, – пошли людей на баркасе проверить, не осталось ли там спасшихся. Я никого не вижу, но будет лучше, если матросы обшарят все кругом. Свидетели нам не нужны. А мы пойдем поглядим, что сделали с нами эти два ядра. Ты можешь оставить свой сундук здесь, Маттер: сегодня в твоих услугах не нуждаются. В носу стоят скорострельные пушки среднего калибра, – объяснил он мне, спускаясь по трапу на палубу, – поэтому для их обслуживания хватает всего десятка матросов. Но снаряды начинены взрывчаткой куда более мощной, чем обычный порох. Снаряд взрывается не сразу: он предназначен специально для деревянных кораблей – сперва он пробивает борт, а потом уже и рвется. И все вокруг начинает гореть... хитро придумано, не так ли?

– И никаких фитилей, – пробурчал я себе под нос.

– Да, – ответил Эйно, подходя к левому борту, – там трубки... эй, кто-нибудь, дайте мне фонарь! И зажгите прожектор на полубаке.

Чьи-то руки услужливо подали ему масляную лампу с полированным отражателем. Перегнувшись через толстый планшир, Эйно озабоченно посветил вдоль борта.

– На, погляди сам, – сказал он, указывая рукой куда-то вниз.

Нагнувшись – для этого мне пришлось встать на цыпочки, – я увидел две едва заметные вмятины в броневом листе, сильно закопченные взрывом порохового заряда. Ядра, пущенные с относительно небольшой дистанции, не только не пробили, но даже и не повредили толстую сталь, опоясывающую «Бринлееф». Я долго разглядывал места их попадания, размышляя о том, насколько же прочен наш корабль, потом Эйно надоело держать лампу, и он бесцеремонно поднял меня за шиворот.

– Кажется, мы потеряли кусок фор-брам-рея. Жиро, я прав?

– Так точно, хозяин. Ядром снесло... завтра же плотники все исправят. Я уже распорядился подтянуть шкоты.

– Они странно стреляют – одни берут выше, другие ниже. Я боялся, что вторым залпом нам порядочно почешут рангоут. Но в то же время я не хотел стрелять первым... но это уже не важно. Идем, Маттер: тебя ждет ужин. Жиро, отправьте ко мне Рикко, я хочу ему кое-что сказать.

Мы вернулись в каюту, где я с ожесточением принялся терзать успевшую остыть баранину, а Эйно с Иллари, весело поблескивая глазами, подняли свои кубки.

– Я же говорил тебе, что скорострелки вполне способны доставить кое-кому неприятности, – произнес Эйно, облизываясь.

Ответить Иллари не успел: в каюте появился Рикко, выглядевший немного смущенным.

– Я горжусь тобой, парень, – повернулся к нему Эйно. – Ты научился стрелять как морской демон... признайся, ты догадывался, что крьюйт-камеры были расположены в носу этого фрегата?

– Нет, князь, – ответил Рикко, – я просто подумал, что, попав в нос, смогу размочалить ему основание фок-мачты. Взрыв фугаса – и мачта рухнет, а вслед за ней посыплется весь рангоут. Взрыв крьюйт-камер был для меня такой же неожиданностью, как и для вас.

– Все равно, ты прекрасно поработал, а мои пушки в очередной раз доказали свою пригодность. Ута, выдай Рикко бочонок старого вина, я хочу, чтобы он распил его со своими канонирами.

Когда артиллерист удалился, Эйно вернулся к рассуждениям над старой картой. Тило был недоволен. Лоттвиц требовал от него сманеврировать в узких, как чулок, проливах между несколькими островами, отстоящими от берега не более чем на десяток миль.

– На баркасах мы там не пройдем, – убеждал он, – потому что нам придется выгребать несколько часов... главное – здесь достаточно безлюдное место. Мне нужно попасть вот сюда, видишь эту точку на побережье? Но подойти туда на «Брине» невозможно, так как нас обязательно заметят. Я хочу дойти вот досюда, а потом уже пройти вдоль берега на веслах и высадиться вот здесь, в лиманах. Высадив меня, ты отправишься на сандасский остров Раух, это всего лишь сто миль к востоку, и высадишь там нашего гостя. Заодно, если удастся, купишь продовольствие – и через три дня станешь ждать меня вот здесь, в проливе.

– Хорошо, – крикнул старый Тило, – разорвал бы тебя демон!.. я сделаю так, как ты скажешь. Но распорядись поднять пары: если мы сядем на мель...

– Там не может быть мелей, старина.

– Там может быть все, что угодно! Я ненавижу ходить по незнакомым проливам, будь они прокляты. И не забудь о сигналах. Ах, не нравятся мне эти проливы!

Глава 5

Я слышал о том, что в воинственном Шахрисаре принято ходить в броне, но реальность превзошла мои ожидания. Вероятно, хитроумный Эйно не исключал возможность высадки на этих берегах – он, Иллари и даже Ута облачились в тонкие чешуйчатые доспехи, причем латы девушки, изготовленные явно для женской фигуры, отличала вызолоченная резьба, а на голове у нее был изящный желтый тюрбан с воткнутым в него пером. Для меня одежды не нашлось, и я этому даже порадовался: меня мало прельщала перспектива таскать на себе металл, да еще и здесь, в горячей южной стране. Впрочем, радовался я недолго – критически оглядев меня, Эйно сообщил, что купит мне доспех в близлежащем городке.

Побережье он, очевидно, знал как свою ладонь. Баркас высадил нас на узкой полоске галечного пляжа, над которой качались разлапистые ветви хвойного леса. «Бринлееф», лениво попыхивающий трубой, остался за недалеким лесистым островком. Эйно оказался совершенно прав – сколько Тило ни мерял глубины, найти мель ему так и не удалось. Лабиринт проливов был настолько глубок, что показания лота вызывали у старого штурмана лишь удивленные и одобрительные улыбки.

Взобравшись по пологому песчаному склону, мы вошли в рошу, и Эйно уверенно повел наш маленький отряд в глубь суши. Мы двигались в полном молчании, размышляя, как мне показалось, каждый о своем. Я думал о том, что даже в страшном сне не мог представить себе, что когда-нибудь попаду в Шахрисар, да еще и в такой странной компании, как наша. Когда-то эти земли принадлежали многочисленным племенам рыбаков и земледельцев, кое-как торговавшим с соседней Саскией и не имевшим ни письменности, ни единой веры – впрочем, это не служило им поводом к войне. Так длилось до тех пор, пока с востока не хлынули конные орды воинственных тартуша, принесших сюда жестокий культ Круга Перерождений, неумную жажду крови и умение строить города. Вскоре поселения тартуша превратились в мрачные и помпезные полисы с их гигантскими храмами, темными, давящими на человека дворцами и огромными каменными портами. Селились они в основном вдоль побережья, а в глубине страны основывали лишь торговые форты-крепости, наводящие священный ужас на аборигенов. Так родился Шахрисар. Уже через сто лет после завоевания тартуша безраздельно властвовали в просторах Тиманского моря, время от времени конфликтуя с Саскией и другими, менее могущественными соседями, которым не оставалось ничего другого, кроме как образовать Тиманский оборонительный союз, направленный против притязаний Шахрисара. Сюда стекались рабы, захваченные в далеких восточных землях, здесь шумели крупнейшие рынки, на которых торговали добычей разбойники и налетчики всех мастей. Всякий попавший в Шахрисар рисковал оказаться в положении ограбленного, а то и того хуже – закованного в цепи...

Но Эйно, по-видимому, такая перспектива не пугала. Он уверенно вел нас через лес, и вскоре, когда солнце поднялось на два пальца от горизонта, мы увидели дорогу, петлявшую в поредевшем бору.

– Через полчаса мы выйдем к городу, – сообщил Эйно. – Иллари и ты, Маттер – вы останетесь на опушке леса и на всякий случай приготовите оружие, а мы с Утой пойдем туда, чтобы купить лошадей. Ни в коем случае не высовывайтесь и ждите нас...

Он оказался прав – вскоре мы вышли из леса, и перед нашими глазами очутились засеянные поля, поделенные на аккуратные квадратики участков: кое-где виднелись добротные каменные хибары сторожей, но все они или отсутствовали или еще спали. По правую руку сквозь живую стену кустарника я разглядел, как серебрится волной большая бухта со множеством кораблей. Там, где лес мачт становился особенно густым, и начинался городок. Прямо напротив порта высилась темная башня с символом священного круга – храм Перерождения.

Рядом с ним виднелись черепичные крыши могучих строений, очевидно, дворцов местной знати. Дальше, покрывая собой пологие холмы, словно грибы росли разномастные каменные дома горожан. Из дерева, как я помнил, здесь вообще не строили – даже бедняк старался обзавестись хижинкой из камня, так велили обычаи народа тартуша. В деревянных клетях могли жить лишь рабы, да и то у самых неудачливых хозяев.

– Не переживай, – сказал вдруг Иллари, с улыбкой глядя, как я проверяю, не оказался ли подмочен порох в моих двухствольных пистолетах. – Эйно всегда знает, что делает. Раз он привел нас в эту мрачную страну, значит, он уверен в том, что нам ничего не грозит. К тому же Ута тоже хорошо знает здешние обычаи и порядки.

– Она была рабыней? – ужаснулся я.

– Нет. Насколько я знаю, ее отец – а она из лавеллеров, – торговал с шахрисарскими князьями и подолгу жил в этой стране. Здесь, в отличие от Саскии и других тиманских стран, очень хорошо относятся к женщинам, они даже сражаются вместе с мужчинами. И боевому искусству ее учил именно шахрисарский наемник. Когда-нибудь она покажет тебе, как работает двумя мечами сразу, и клянусь, ты изменишь свое мнение о ней.

– Да у меня и нет никакого такого мнения, – обиделся я, глубоко пораженный услышанным.

Иллари ответил мне ироничной улыбкой. Отвернувшись, я достал свою трубу, развернул ее и принялся рассматривать порт. Это было интересное зрелище. Выросший достаточно далеко от моря, я никогда не упускал случая отправиться с отцом в одно из его деловых путешествий к побережью, чтобы поглазеть на корабли, уходящие в далекие страны, на моряков и торговцев, пропахших солью и жаркими ветрами загадочного Юга. И вот я сам оказался в далекой чужой стране, да еще и выполняя какую-то тайную, неведомую мне миссию! Я разглядывал мачты, по которым ползали фигурки матросов, портовых грузчиков, до пояса голых, волокущих какие-то тюки или катящих бочонки. Я видел шхуну, покидающую бухту, и даже сумел разглядеть офицера, стоящего на носу с каким-то навигационным прибором в руках. Так прошел почти час – и я увидел двух всадников, ведущих за собой еще пару лошадей. Это были Эйно и Ута, возвращающиеся из городка.

– Смотри, наши едут, – сказал я Иллари, передавая ему трубу.

– Да, – кивнул он. – Значит, у нас все в порядке. Что ж, золото открывает любые двери...

Шахрисарские кони, купленные ими, в очередной уже раз потрясли мое воображение, и я подумал о том, что, наверное, никогда не устану удивляться всем тем чудесам, что открывались передо мной в моих странствиях. Это были настоящие гиганты, выращенные специально для того, чтобы нести на себе всадника в полном боевом снаряжении и не уставать за многие мили пути. Расшнуровав седельную сумку, Эйно бросил на песок увесистый сверток:

– Переодевайся, это тебе. Надеюсь, я не ошибся с размером.

Я размотал просмоленную парусину и увидел тонкую вороненую тунику, изготовленную из идеально пригнанных друг к другу металлических чешуек. Легкий и в то же время очень прочный, такой доспех вполне мог защитить от случайной стрелы, осколка и скользящего удара. У меня на родине подобная работа стоила бы целое состояние – здесь же, по-видимому, эта туника была в порядке вещей, вроде ночной рубашки. Под ней я обнаружил штаны на шнуровке, сшитые из толстой, но очень хорошо выделанной кожи, лоснившейся на солнце, как бок морского зверя. Поверх туники я надел длинную замшевую куртку со множеством клапанов и карманов; дополнили мой шахрисарский наряд перчатки с толстыми крагами и мягкая широколобая шляпа, оказавшаяся мне великоватой.

– К вечеру мы должны быть на месте, – заметил Эйно. – Маттер, повесь свой меч так, чтобы его было хорошо видно. Пистолеты – в седельные карманы.

Я нерешительно посмотрел на свою лошадь – рослую рыжую кобылу с широкими, сильными ногами, – она поглядела в ответ и, как мне показалось, приглашающе улыбнулась. Порыв-

шись в карманах своей старой куртки, я нашел то, что искал, – кусок желтоватого гайтанского сахара, и подошел к ней. Кобыла осторожно взяла сахар с моей ладони и тихонько захрумкала, глядя в сторону.

– Не дергайся, это самая спокойная лошадь во всем городе. Раньше на ней ездила маленькая девочка. В седла!

Я не без труда взгромоздился на лошадь и опустил свои пистолеты в пришнурованные к седлу карманы, откуда я мог достать их в любую секунду.

– Интересно, – тихонько сказал я кобыле, – как тебя зовут?

Животное повело ушами и едва слышно фыркнуло.

Жеребец Эйно ударил копытами, и мы двинулись вглубь Шахрисара. В полдень Эйно распорядился о привале. За все это время нас ни разу не потревожили – лишь однажды группа хорошо вооруженных всадников, двигавшаяся навстречу, остановилась возле Уты и один из них, огромный мужчина в серых латах, склонив голову, спросил что-то у нее. Девушка ответила ему, и воин, удовлетворенный, с улыбкой кивнул, махнул на прощанье рукой и скоро они исчезли за поворотом дороги. Пару раз мы обгоняли большие, богато отделанные кареты, передвигавшиеся в сопровождении десятка охранников, а однажды проехали мимо торгового каравана – и никто из встреченных не проявил к нам ни малейшего интереса.

Эйно остановил наш маленький отряд на берегу ручья, в сотне шагов от дороги. Напоив свою лошадь, я упал на траву и достал из своей сумки копченое мясо, сухари и флягу с вином. Сидеть мне было больно, поэтому я лег на живот. Отдыхали мы не больше часа – а потом неутомимый Эйно погнал нас дальше...

* * *

Еще никогда в моей короткой жизни мне не приходилось совершать столь долгие и утомительные переходы верхом. К закату, когда бесконечные поля сменились лугами, на которых паслись тучные стада, и на горизонте показались башни огромного города, я выдохся настолько, что мотался в седле, как никчемная мокрая тряпка, с трудом соображая, где я вообще нахожусь и что делаю. Эйно и Иллари также выглядели не лучшим образом – но, очевидно, время поджимало и на отдых его уже не оставалось. Мы двигались по пыльной мощеной дороге, обгоняемые спешащими по делам купцами и воинами – и вскоре приблизились к высоким каменным воротам, за которыми находилась застава. Ута поспешно стерла с лица желтоватую дорожную пыль и пришпорила свою лошадь. Мы остались чуть поодаль. После недолгого разговора с бородатым стражником, вооруженным мушкетом и длинным прямым мечом, мы затрусили в сторону города.

Я не знал и даже не мог догадываться, о чем она говорила с начальником караула. Возможно, Ута выдала себя за аристократку, путешествующую в сопровождении компаньонов или бедных родственников – неважно. Я думал только об одном: слезть с этой чертовой коняги и размять онемевшую задницу. Мне уже даже не хотелось есть. Запас вина, прихваченный мною с «Бринлеефа», давно иссяк, на зубах скрипела желтая шахрисарская пыль.

– Третий переулочек за рыбной площадью, – негромко проговорила Ута, приблизившись к Эйно.

– Я знаю, где это, – кивнул тот.

Окраина города встретила нас мрачными, замшелыми заборами, сложенными из серых булыжников. В глубине дворов виднелись такие же темные строения, обнесенные по фасаду деревянными навесами, под которыми сутились рабыни-кухарки. Изредка попадались и хозяйева, переговаривающиеся возле ворот своих жилищ, – все как один рослые, светлоглазые мужчины и женщины в темных одеждах. У каждого мужчины на поясе висел короткий меч. На

нас они не обращали никакого внимания, словно нас и не существовало на свете, а мимо них медленно проплывала кавалькада призраков.

Лабиринт узеньких улочек неожиданно вывел нас на площадь, насквозь пропахшую рыбой. Полуголые рабы с железными обручами на шеях деловито поливали каменные прилавки водой из колодца, смывая грязь и вонь, оставшуюся после торгового дня. Эйно остановил своего жеребца, прищурился, а потом незаметно махнул рукой, указывая на полутемную дыру узкого переулочка, выходившего на площадь.

Нужный нам дом обнаружился почти сразу же – трехэтажное строение с нависающим над входом фронтоном, втиснутое между двух таких же, мрачных и неприветливых купеческих домов. Вместо ожидаемых дверей я увидел перегороженную железными воротами арку, способную пропустить всадника. Не спешиваясь, Эйно пригнулся и сильно ударил висевшим на створке ворот медным кольцом. Ворота загудели в ответ; вскоре я услышал недовольный мужской голос, говоривший на незнакомом мне языке. Эйно что-то рывкнул, и ворота медленно раскрылись.

Проехав вслед за нашим предводителем, мы оказались в неожиданно просторном, вытянутом в длину дворе, по краям которого я увидел множество основательных каменных амбаров. Привратник, оказавшийся крепким смугловатым рабом в кожаном переднике, резво взбежал по деревянной наружной лестнице и исчез в доме. Пару минут спустя на втором этаже противно скрипнула дверь, и по лестнице двинулся невысокий светловолосый человек средних лет, одетый в лоснящуюся кожу. Борода, рыжая и казавшаяся какой-то выгоревшей, доходила ему почти до пояса. Ступив на плиты, которыми был вымощен двор, он с любопытством уставился на нас.

– Четыре к семи, – вдруг заговорил Эйно по-пеллийски, – и еще вот это...

Сунув руку во внутренний карман своей куртки, он достал золотой перстень с крупным синим камнем странной огранки и протянул его светлороду. Тот неожиданно изменился в лице, в глазах вспыхнул мрачноватый огонек. Взяв в руки перстень, он внимательно осмотрел его и ответил – также по-пеллийски:

– Пять от двенадцати. Я давно ждал тебя.

Он пронзительно свистнул, и двор вдруг наполнился множеством рабов и рабынь. Высокая, коротко стриженная девушка помогла мне слезть с лошади и тотчас же, едва я вернул в свои кобуры пистолеты, увела ее, другая – поднесла таз горячей воды и мыло, а потом попыталась пройтись по мне щеткой, но я, вытерев лицо мягким полотенцем, оттолкнул ее и оглянулся – рабы уже накрывали в небольшой беседке стол, а наш хозяин негромко распоряжался всей этой суетой. Вскоре он куда-то исчез, а его место занял высокий нескладный юноша в слишком яркой, на мой вкус, кожаной одежде – то ли сын, то ли какой-то родич. Хозяин появился минут через пять, когда посреди стола уже дымились казаны с какими-то яствами, а рабыни закончили расставлять серебряные тарелки и широкие чашеобразные бокалы с цветной инкрустацией.

– Наверное, вы устали, – как-то очень буднично произнес хозяин. – Давайте отдохнем...

Его звали Каррик, и он на самом деле был преуспевающим торговцем рыбой – вот все, что я смог понять, когда он представлялся Иллари, мне и Уте. Эйно, очевидно, знал о нем все, и это подразумевалось само собой, так как они сразу же перешли на «ты». Разговор, касающийся в основном цен на рыбу, смолу и паруса, велся почему-то по-пеллийски, причем Каррик, насколько я понимал, говорил на нем с изрядным акцентом.

В казанах оказалась рассыпчатая желтоватая каша, несколько сортов рыбы и тушеное мясо. Тут же находились маленькие серебряные мисочки с разнообразными, по большей части чудовищно острыми соусами и приправами: с третьей попытки я выбрал то, что было мне по вкусу, налил себе кисловатого, сильно пахнущего травами вина, и отрешился от всего сущего. А разговор тем временем перешел в другую плоскость.

– По всей видимости, кто-то все-таки добрался до легендарного храма Кипервеем, – негромко говорил Эйно. – Мы не хотели в это верить – ведь немногие верили в существование храма, – но вдруг всплыли упоминания о Черепе Старого Дэрка.

– Хрустальный череп? – почесывая нос, так же тихо переспросил Каррик.

– Да, череп черного хрусталя, долго считавшийся легендой. Ты сам понимаешь, что может произойти, если он попадет в руки кхумана.

– Самому лучшему кхуману, даже магистру, потребуются годы... – осторожно перебил его рыботорговец.

– Да! Конечно, сегодняшней его хозяин и не подозревает о том ужасе, что скрыт под слоем черного хрусталя... но я приехал сюда, чтобы выяснить истину. Айек Гайтанский привез мне векселя – это самое лучшее доказательство того, что слухи, дошедшие до меня и до других братьев, являются, увы, чистой правдой. Некий коллекционер, страстно разыскивающий любые древности, хоть как-то связанные с Эпохой Слепцов, занял огромные деньги на приобретение набора старинных драгоценностей. А в качестве обеспечения сделки фигурировал Крест Аркара! Я узнал его по описанию в тексте долгового соглашения. Он фигурировал там как драгоценность и ничего более – но ошибиться было невозможно.

– Крест Аркара! – подался вперед Каррик. – Значит, все это правда! Значит, храм действительно существовал!

– Я, собственно, в этом и не сомневался. Я видел больше, чем ты...

– Да, да, я верю тебе, брат. И что же, ты считаешь, что сокровища везли через Шахрисар?

– Более того. Они были проданы здесь, в Шаркуме. Я понимаю, что вряд ли смогу найти продавцов, как пока не могу найти и покупателя, – но я хочу знать об этой сделке все, что будет возможно. У меня есть два дня...

– Два дня будет достаточно. Но ты должен знать, что торговцы, занимающиеся таким товаром, не любят распространяться о своих покупателях. Часто они не стремятся даже знакомиться с ними. Сделка совершена – и стороны расходятся по своим делам.

– Но все же учти: покупатель не был шахрисарцем. Возможно, конечно, что от его имени действовал некий поверенный, и тогда мы тем более не сможем ничего узнать. Но все-таки наверняка в этом деле участвовали много людей, и цепочка посредников была очень длинной.

– Как ты считаешь – как выглядела эта коллекция? Ты уверен, что она была продана целиком, а не по частям?

– Почти уверен, Каррик. А выглядела она... ну, скорее всего это был набор старых, очень старых драгоценностей и безделушек. На любом ювелирном рынке такими вещами интересуются только старики-фанатики, собирающие древние свитки и ищущие удачного перерождения с помощью забытых всеми предков, но уж никак не кокетливые невесты...

– Я слышал о таких стариках, – закивал Каррик. – Значит, ты думаешь, покупатель был старик?

– Я думаю, как бы он не оказался богатым идиотом-северянином, ищущим связи с кхуманами, но не знающим, как на нее выйти. Этого я боюсь больше всего – потому что тот, кто ищет, тот рано или поздно найдет.

Рыботорговец нахмурился. Я наблюдал за ним самым краешком глаза, боясь привлечь к себе внимание, – он был озабочен и даже, пожалуй, немного напуган.

– И сколько у нас времени... всего? – спросил он у Эйно.

– Мне хочется надеяться, что времени достаточно. Может быть, пара лет... видишь ли, я отправился в путь только для того, чтобы подтвердить или опровергнуть проклятый слух. Тот, кто рассказал об этом, не мог назвать источник информации – это просто витало в воздухе: это был торговец-лавеллер, вернувшийся из Гайтании, где у него имеются обширные финансовые интересы. Он слышал только о займе, и ничего больше. Все остальное я додумал сам. И, увы,

я оказался прав. Человек Айека, доставивший нам векселя, погиб раньше, чем успел передать главное. И еще: кто-то шел по его следу.

– Ты не знаешь, кто?

– Нам пришлось их убить. Дело было ночью, и сперва я вообще не понял, что происходит. Потом было поздно. Здесь, в Шаркуме, я хочу узнать все, что только смогу. А потом, возможно, к тебе придет Айек, и ты выполнишь все, что он скажет.

– Я знаю Айека, – коротко объявил рыботорговец.

– Я в курсе. Это я долго не был в Шахрисаре... теперь я – четыре к семи, и ты должен это знать.

– Я понял тебя, брат.

Разговор между Эйно и Карриком дал мне больше вопросов, чем ответов, лишь чуть-чуть приоткрыв занавес тайны, окружавший нашу экспедицию. Эйно гоняется за человеком, купившим раритеты из какого-то восточного храма, скорее всего давно заброшенного и считавшегося мифом. Тем не менее, кто-то сумел его найти и разграбить... что из этого следует, думал я, что же? В магию я, признаться, не верил. Старый Сайен привил мне мысль о том, что человек способен распоряжаться некоторыми невидимыми глазу силами, но не способен повелевать стихиями – то есть действовать так, как это описывалось в старых романах, повествующих о бессмертных колдунах и волшебниках. И что же, рассуждал я, в загадочном Черепе Дэрка скрыты силы, помогающие колдуну достичь магической власти над людьми и разными мифическими помощниками, обитателями потустороннего мира? Нет, говорил я себе, здесь что-то не так. Эйно не похож на человека, способного поверить в эту дребедень, в дешевые вечерние страшилки для старых дев. Здесь что-то не так...

Как показало время, мои догадки были верны, – но узнал я об этом не сразу.

Глава 6

Я проснулся хорошо за полдень. Вероятно, Эйно распорядился не будить меня, чтобы я мог выспаться после утомительной дороги. Мысленно поблагодарив его, я спрыгнул с широкой деревянной кровати и подошел к единственному окну моей маленькой комнатки. Окно было высоким и узким, словно крепостная бойница. У нас так уже давно не строили, но воинственные традиции народа тартуша соблюдались в Шахрисаре неукоснительно – по крайней мере, в архитектуре.

Окно выходило на двор. С высоты второго этажа я видел, как молодой раб возится в конюшне, подсыпая лошадям зерна, а пара девушек что-то стирают в большущей бадье в дальнем углу двора. Ни моих спутников, ни хозяина не было видно – а в конюшне, кажется, отсутствовали лошади Эйно и Иллари.

Умывшись, я вдруг ощутил голодный спазм в желудке – еще бы, я спал часов четырнадцать, если не больше. Я кое-как натянул свои кожаные штаны, всунул ноги в сапоги, набросил на плечи сорочку и вышел из комнаты. Коридор вывел меня в зал, где я не без удивления увидел Уту, болтающую со вчерашним хозяйским сыном. На столе перед ними стояли кубки вина и пустые уже тарелки.

– Завтракаете? – не слишком любезно осведомился я.

– Обедаем, – рассмеялась Ута. – Ты проспал свой завтрак...

– Я есть хочу, – пожаловался я. – Как перед смертью. Накормят меня здесь или нет?

Поняв, что я голоден, юноша в разноцветной коже свистнул и что-то приказал мгновенно прибежавшей из кухни рабыне. Вскоре перед моим носом появились тарелки с кашей, мясом и овощами. Я нагло налил себе вина из большой бутылки и углубился в еду, время от времени поглядывая на Уту и ее собеседника – те, не обращая на меня ни малейшего внимания, продолжали трещать на незнакомом мне языке тартуш.

Не успел я доесть, как снизу раздался скрип открываемых ворот и чьи-то голоса. Сын Каррика удивленно поднял голову, потом сказал что-то Уте. Девушка нахмурилась.

– Маттер, Эйно прислал за тобой раба. Одевайся.

– Эйно? – от изумления я едва не выронил кубок.

Зачем я ему? У него раненые? Не утруждая себя благодарностью за еду, я выскочил из-за стола и помчался в свою комнату. Через две минуты я был уже в конюшне, где смуглый раб поспешно затягивал подпругу на боку моей кобылы. Уважительно глянув на мой меч, он что-то коротко проговорил и махнул рукой. Я оглянулся. В воротах конюшни стоял светловолосый мужчина с узкой бородкой и роскошным позолоченным ошейником, украшенным резьбой. Я никогда не видел, чтобы рабы носили дорогую одежду и, тем более, такие, смахивающие на украшения, ошейники – очевидно, это был не просто раб, а поверенный своего хозяина.

– Тебя ждут, – произнес он по-пеллийски, тщательно, будто школяр, выговаривая каждое слово, – следуй за мной.

Я запрыгнул на свою лошадь, проверил и сунул в седельные карманы пистолеты и, помня о наставлениях Эйно, щегольски расположил свой меч на левом бедре. Следуя за рослым черным конем моего провожатого, я пересек шумящую, провонявшую рыбой базарную площадь и углубился в нескончаемую паутину узких, полутемных улочек. Нас окружили серые каменные стены трехэтажных домов с острыми крышами, капюшоном нависавшими над головой. Копыта гулко грохотали по старой брусчатке. Время от времени нам приходилось прижиматься к стене, чтобы пропустить встречного всадника или раба с тележкой, полной всякого товара. Этим кварталам, выводящим нас то на одну, то на другую площадь, не было конца. Город показался мне огромным. Я видел таверны, обозначенные вывесками и неизменными масляными фонарями затейливой ковки, бесчисленные лавки и большие магазины, заваленные то

коврами, то посудой, то канатами и парусиной, и по тому, как свежееет воздух, стал понимать, что мы двигаемся в сторону моря.

Вскоре светловолосый свернул в какой-то совсем уж узкий переулочек и неожиданно остановился. Повинуясь его жесту, я спешил. Раб сильно ударил в неприметную дверь на первом этаже темного, с потеками на стенах, двухэтажного строения, и ему тотчас же открыли.

Я передал поводья в руки чумакого мальчишки и нерешительно шагнул в полумрак, ждавший меня за дверью. Чьи-то пальцы схватили меня за плечо, я покорно сделал два шага, и передо мной, впуская в помещение слабый дневной свет, распахнулась низкая дверь. Теперь я оказался в тесном дворе – здесь стены дома были сложены из красных, потемневших от лет и близости моря кирпичей. Тощий чернявый раб в грязном переднике толкнул меня вперед, указывая на деревянную дверь в стене справа: дом имел длинный кирпичный придел, выстроенный перпендикулярно фасаду.

За дверью слышались негромкие голоса. Большая комната, освещаемая парой высоких окон с давно немытыми, потекшими стеклами, служила, по всей видимости, чем-то вроде склада, так как по углам я увидел несколько разномастных винных бочек, какие-то бухты смоленого каната и тюки, увязанные в грязную парусину. На нескольких бочонках поменьше сидели Эйно, Иллари, Каррик и двое мужчин в кожаных нарядах, под которыми угадывалась обычная в Шаркуме легкая броня. Еще один бочонок, пустой и давно рассохшийся, служил им столом.

– А, – повернулся на скрип двери Эйно, – это наш юный доктор... Бери себе табурет, Маттер, и присаживайся. У нас к тебе дело.

Я придвинул к их «столу» пустой бочонок; Эйно налил мне в бронзовый кубок вина и подмигнул одному из незнакомцев.

– Готов спорить, что этот грамотей нам поможет. Держи-ка – ты знаешь этот язык?

И он протянул мне какой-то желтый свиток. Развернув его, я увидел характерные закорючки рашеров – сверху вниз. Свиток был довольно стар. Я помедлил с ответом.

– Это написано на севере, скорее всего, в провинции Гурель. Лет, я думаю, сто назад...

– Ты можешь это прочесть?

– Могу... но это, кажется, какой-то религиозный канон. Хотя, может быть, и нет. Читать? Эйно нетерпеливо прищелкнул пальцами.

– «В год седьмой эпохи пресветлого Нанива монастырь Четвертого Пути навещен был неким юношей, принесшим с собой бесценные реликвии, доставшиеся ему от предков. Юноша сей был обречен, ибо гнев Семи Чудес лежал на нем: гнили ноги его, и столь далеко зашла болезнь, что даже святой Юран не мог помочь ему своими молитвами...» Читать дальше, са? По-моему, это какая-то дребедень о волшебном излечении от проказы. Интересно, конечно, откуда она взялась на севере, но...

– Читай, читай! Что там говорится об этих проклятых реликвиях?

– О реликвиях? Хм... да... вот: «...и извлечены были жезлы божественного света, и носил их юноша на теле своем, и признал святой Юран могучую силу неведомых реликвий, ибо излечился больной, встал на ноги, и пошел – и рушил он рукой своею скалы, и возведен был им зиккурат Четвертого Пути – за два дня и три ночи. И захотел св. Юран узнать, откуда, из каких краев доставлены были жезлы и ключи, дающие сей свет. И рассказал ему юноша, что предок его, странствуя во имя Пути, прошел до самых дальних южных пределов, и там, где невежественные желтоглазые поклоняются Белой Скале, нашел он храм, построенный во славу Ушедших Демонов. И, признав в нем символы Четвертого Пути, молился паладин – и дано ему было...» М-мм... по-моему, са, текст не полон: эта колонка обрывается, а дальше тут сплошные славословия и молитвы религиозных фанатиков. Читать?

– Нет, не надо.

Эйно приложился к кубку, вытер губы тыльной стороной ладони и многозначительно посмотрел на молчаливых шахрисарцев.

– Значит, слух прошел давно... – сказал один из них по-пеллийски, глядя на Эйно в упор. – Значит, они все знали. Значит, тот кхуман был убит кем-то, кому известно о реликвиях из Кипервеема, и он хотел спрятать концы в воду... так?

– И он был убит, несмотря на то, что опоздал к совершению сделки. Знать бы, где находится эта Белая Скала!

– Почти наверняка Мариба, – подал вдруг голос Иллари. – Тысячи, десятки тысяч миль джунглей. Оттуда трудно вернуться живым.

– Кто-то же вернулся, – покачал головой Эйно. – И раз все они исчезли, а кхуман, искавший их или хотя бы посредников, был убит – значит, я был прав в своих догадках. Дело нечисто. Ждите кхуманов в Шаркуме.

Каррик легонько хлопнул в ладоши и обратился к шахрисарцам с короткой речью – я в очередной раз пожалел, что не понимаю его, – после чего мы поднялись и вскоре оказались на улице, где рабы держали наготове наших лошадей.

– Я хотел бы остаться, – услышал я слова Эйно, когда мы отъехали от странного старого дома, – но меня ждут, и я не имею права нарушать свое слово. Я вернусь – наверное, вернусь так скоро, как только смогу.

Каррик согласно боднул головой. В этот момент я почувствовал, как что-то пребольно упирается мне в задницу, и повернулся в седле: то была пряжка пистолетной кобуры, съехавшая на бедро. Уже разворачиваясь обратно, я заметил грязного, оборванного мальчугана, стоявшего посреди переулка. На нем не было ошейника, а возле пояса виднелись потертые ножны с торчащей из них костяной рукояткой. Он был свободным; впрочем, не это заставило меня задержать на нем свой взгляд – удивили его глаза, пытливые, словно бы запоминающие меня. В глубине этих светлых, почти желтых глаз горели странные недобрые огоньки. Сплюнув, я повернулся вперед и в который раз обругал про себя недружелюбие его разбойничьего племени.

Что-то сказав Эйно, Каррик неожиданно повернул своего коня и исчез в полутемном зеве соседнего переулка. Теперь нас вел его странный раб в золотом ошейнике, такой же молчаливый, как и прежде. Впрочем, ни Эйно, ни Иллари не проявляли желания беседовать. На их лицах застыла глубокая задумчивость. Эйно вытащил свою трубочку, неторопливо набил ее и высек огонь. Наши кони плелись по мощеным улочкам Шаркума, и я то и дело принимался вертеть головой, стремясь получше рассмотреть его виды и обитателей. Город был, несомненно, велик, но по мере отдаления от моря движение на улицах и многочисленных площадях стихало – очевидно, деловая жизнь здесь концентрировалась вокруг порта.

– Хочешь поглазеть на моряков? – неожиданно спросил меня Эйно.

– Да, са, – ответил я. – Если у нас будет время...

– Время у нас есть. После обеда я попрошу Уту, чтобы она сопровождала тебя. Она выглядит как аристократка, знает язык и может постоять за себя в случае необходимости. Одного я тебя не пущу, даже и не проси.

– Я согласен, са, – радостно кивнул я.

...За обедом я ерзал, с нетерпением ожидая обещанной поездки. Наконец, когда Эйно отставил тарелки и потянулся за кисетом, Ута насмешливо подмигнула мне:

– Ты еще не одет?

Я покраснел и отправился наверх натягивать броню. Дневная жара уже спала, с моря дул сильный прохладный ветер. Мы выехали за ворота, и девушка легонько ударила свою лошадь плетеным кнутиком, который держала в левой руке. Через полчаса мы выехали на длинную прямую улицу, застроенную лавками морских товаров, и впереди я увидел мачты. Улица вывела нас на набережную. Здесь, у высокой каменной стенки, стояли десятки различ-

ных кораблей – пузатые торговые каракки, пришедшие из Гайтании и других северных стран, с которыми Шахрисар старался поддерживать видимость дружеских отношений, большой трехмачтовый корабль с двумя орудийными палубами, множество бригантин и простых рыбацких шхун. Здесь пахло смолой, рыбой и пряностями, которые грузились на корабли северных купцов. Здесь шлялись матросы самых разных стран – некоторые, собравшись небольшими компаниями, пускали по кругу бочонки с вином или пивом, другие толковали о чем-то с торговцами, среди которых резко выделялись местные купцы, в броне и с неизменными короткими мечами на поясах. Мне казалось странным, что мало кто из них носит с собой огнестрельное оружие, и я спросил об этом Уту – ведь у меня на родине, стремясь обеспечить себе защиту, человек полагается не столько на клинок, сколько на пистолет – а лучше на пару.

– Они не слишком любят стрельбу, эти вояки, – улыбнулась девушка. – У них есть что-то вроде кодекса чести: человека с мушкетом здесь презирают.

– Тогда их скоро завоюют варвары, – хмыкнул я. – А Саския и все остальные не забудут оторвать свой кусок.

– Многие так думают, – согласилась Ута. – Но никто не решается напасть первым.

– Мою несчастную империю тоже боялись – долго... А потом выяснилось, что бояться совершенно нечего: знать труслива, войска обленились и не умеют драться. Когда варвары ударили, они прошли сквозь королевские полки, как нож сквозь масло. Мечами и пиками ничего нельзя сделать против grenадера с ружьем.

Двигаясь вдоль набережной, мы скоро оставили причалы за спиной. Впереди лежал большой морской рынок. Здесь можно было купить все на свете, и торговля не прекращалась ни днем, ни ночью. Мы с Утой оставили коней под присмотром нескольких вооруженных стражников и погрузились в узкие «улучки» торговых рядов. Я с удивлением разглядывал странные переливчатые ткани, разнообразное оружие и утварь, совершенно не похожую на ту, которой я привык пользоваться – а потом мы оказались в рядах, торгующих живым товаром. Ута, морщась, потянула меня назад, но мне было интересно решительно все – и я, оставив ее возле лавки с редкими южными безделушками, шагнул в этот угол рынка, где смеющиеся купцы, завидев прилично одетого юношу, наперебой принялись выталкивать ко мне молоденьких девушек, бесстыдно задирая им юбки и стягивая с груди платья. Я покраснел как рак и приготовился искать пути к отступлению: товар, возможно, был хорош, но я воспитывался в совершенно другой стране и не мог не оторопеть от такого цинизма.

– Нах, нах, – зашипел я шахрисарское «нет» и попятился назад – а в этот миг кто-то резко толкнул меня, я пошатнулся, и на голову мне упал то ли плотный платок, то ли мешок.

Все мои страхи, связанные с опасностью быть плененным, ожили, заставив меня отчаянно заверещать. Руки, еще свободные, судорожно зашарили по поясу, вот правая нащупала курки пистолета – я уже чувствовал, что меня куда-то тянут, сильный удар по колену едва не сбил меня с ног – и я, подняв пистолет на уровень живота, разрядил оба ствола. В ответ раздался отчаянный крик, перемешанный с чьими-то возмущенными воплями. Воспользовавшись тем, что руки моего противника разжались, я вывернулся из мешка. Передо мной корчился в луже собственной крови низкорослый темнокожий мужчина в какой-то серой хламиде. Пули выворотили ему кишки, и он сучил ногами, пытаясь всунуть их обратно, – а рядом с ним, подняв кривые сабли, стояли еще двое, одетые как моряки из северных стран, в темные холщовые куртки и полосатые юбки. На них, крича и размахивая своими короткими клинками, готовились напасть купцы из соседних лавок. Увидев, что я свободен и поняв, что сейчас загремит и второй пистолет, один из матросов развернулся ко мне. Взмах! – но отчаяние и ужас сделали меня куда проворней, чем обычно, и сабля лишь скользнула по броне, разрезав мне левый рукав куртки: свой меч я выхватить не успел, потому что откуда-то сбоку вдруг налетел сверкающий металлический вихрь.

Еще не понимая, что явилось моим спасением, я смотрел, как Ута, заставив купцов восхищенно отшатнуться в сторону, рубит странных моряков с саблями. Ее короткие, бритвенно острые палаши сверкнули подобно молнии, и вот один из нападавших беззвучно осел на грязные рыночные плиты с разрубленным лицом, а второй, ударившийся в бегство, рухнул, получив укол под левую лопатку. Купцы издали слитный восторженный рев. Не обращая на них никакого внимания, Ута нагнулась и, не боясь испачкать в крови пальцы, зашарила на груди первого из своих противников.

– Бежим! – крикнула она мне, сорвав что-то с его шеи.

И мы припустили по тесным улочкам рынка.

Стражники, увидев кровь на нашей одежде, что-то залопотали, но Ута прикрикнула на них, швырнула пару золотых и легко взлетела в седло. Я последовал ее примеру: страх сделал меня не только подвижным, но и сильным. Задыхаясь, я промчался через добрую половину (как мне тогда казалось) Шаркума и пришел в себя лишь тогда, когда девушка остановила свою лошадь на какой-то захолустной улице.

– Разве рашеры, – прохрипел я, – торгуют рабами? Зачем им... я? Да еще и, ты видела – купцы, они ведь хотели меня защитить...

– Благодарю свои пистолеты! – огрызнулась Ута, яростно стягивая с ладоней окровавленные перчатки. – Это были не просто рашеры. Только сумасшедший кхуман мог наброситься на тебя посреди базара. Пусть Эйно решает, зачем ты был им нужен, – а нам надо убираться отсюда!

– Кто такие кхуманы? – застонал я в отчаянии. – Сколько можно этих загадок?! Меня чуть не убили, а ты...

– Тебя хотели взять живьем! – рявкнула Ута. – Вперед!

И тут я вспомнил грязного мальчишку, смотревшего на меня в сером сумраке узенького переулочка. Этот же мальчишка, только уже переодетый в чистую и вполне приличную шахрисарскую одежду, попался мне на глаза, когда я входил в квартал работоторговцев. Я не узнал его – но теперь, когда его лицо встало перед моим мысленным взором, как живое, я готов был поклясться – это был он. И он следил за мной!

Ута пнула свою лошадь пятками, и мы понеслись вперед. И я почти тотчас ощутил боль. Сабля моего неудавшегося похитителя, прорезав толстую кожу куртки, вспорола мне руку. Зажав повод в левом кулаке, я попытался отогнуть края разреза, чтобы посмотреть на рану, и громко застонал. Такая рана вряд ли могла быть опасной, но боль она причиняла адскую. Пальцы сжимались и разжимались нормально, онемения пока не было, значит, это была всего лишь царапина. Я сплюнул от злости и пожалел, что не успел выхватить второй пистолет. Но Ута, конечно, была права, меня спас именно этот отчаянный слепой выстрел. Неизвестно, стали бы купцы отбивать меня у трех вооруженных людей. Конечно, им, наверное, дорог порядок, да еще и в таком месте, но вряд ли они кинулись бы рисковать жизнью из-за незнакомого им паренька. А северяне действовали решительно и быстро, явно зная, что и для чего они делают.

Но боги, зачем я мог понадобиться этим загадочным кхуманам?

И почему, наконец, за мной следил этот мальчишка?

Скорее всего, сказал я себе, между ним и похитителями была связь. Выждав, когда я покину дом рыботорговца, он навел их на меня. Странно только, почему на рынке – не проще ли было бы напасть на меня в одной из этих каменных нор?

Нет, понял я, не проще.

Хотя бы потому, что меня собирались доставить на какой-то корабль.

Все это я и рассказал Эйно и Иллари, едва закончив бинтовать свою несчастную руку. Эйно долго молчал, и его молчание вывело меня из терпения. Я уже открыл было рот, собираясь обрушиться на него с вопросами, но он опередил меня.

– Они следили за нами. А на тебя бросились потому что... потому что, согласишься, – мальчишка, зачем-то потребовавшийся взрослым мужчинам, которые ведут очень серьезный и даже опасный разговор, не может быть просто мальчишкой, верно?

– Но я – не более чем...

– Верно, – перебил он меня. – Но ведь они этого не знали. Ты спрашиваешь, кто такие кхуманы? Пока я могу тебе сказать, что это небольшая, но очень влиятельная секта совершенно сумасшедших фанатиков, плохо понимающих, что именно они делают. Они могут быть чрезвычайно опасны. Видишь ли, Маттер, наш мир вовсе не так прост, как это кажется. Эта планета не всегда принадлежала людям.

– Ну да, – с жаром заявил я, – раньше она принадлежала богам. Потом же с небес спустились демоны, которые привели сюда людей, и люди...

– Ты рассуждаешь почти так же, как эти кретины. Никто сюда никого не приводил. Люди пришли сюда сами. А потом они предпочли забыть, зачем они это сделали...

– Откуда вы это знаете? – отшатнулся я, пораженный такой ересью.

– Я до черта всего знаю. Ты тоже узнаешь, только постепенно. Выпей лучше вина и иди, посиди во дворе. Тебе нужно отдохнуть, а мы хотим сыграть в кости.

Я никогда не видел, чтобы Эйно играл с кем-либо в кости, но его тон звучал настолько повелительно, что спорить я и не подумал. Взяв большой кувшин сладкого вина и блюдо с вафлями, я покорно спустился вниз и засел в беседке. Рука ныла, в голове у меня образовалась совершенно невыносимая каша, и я принялся за вино со всем отчаянием юного пьяницы, поставленного судьбой перед вопросами, на которые некому ответить. Другой на моем месте ударился бы в молитву, но я не видел в том прока – густое, красное, как рубин, вино казалось мне более пригодным средством.

Стакан, другой – и рука стала болеть значительно меньше, но мучившие меня вопросы отступать и не подумали. Что происходит со мной? – спрашивал я себя... еще вчера я жил в поместье моего несчастного отца, штудировал книжки про приключения, кое-как учил языки и искусство врачевания, и вот – приключения стали явью, моя жизнь ежеминутно подвергается смертельной опасности, а знание языков и руки лекаря превратились в мою работу. Работу? Можно ли назвать все это работой? Кто я вообще такой? Мальчишка на борту загадочного пеллийского корсара, посланного в наши края с непонятной миссией, здорово отдающей явной чертовщиной... Кхуманы! Неожиданно я вспомнил довольно древний фолиант, отпечатанный на первых, грубых еще станках, который я нашел в библиотеке нашего провинциального монастыря. Брат-настоятель был так любезен, что позволял мне, совсем еще ребенку, рыться в огромных подвалах, где на сотнях дубовых полок стояли тома богословских трудов, валялись свитки хроник и отчетов о прошедших событиях, – среди всей этой плесени я как-то раз обнаружил книгу, посвященную изуверским сектам Севера.

Она была написана странствующим аскетом, человеком, по всей видимости, очень любознательным и до идиотизма бесстрашным. Ему удалось добраться до самых дальних горных монастырей в стране рашеров и даже побывать в некоторых из них. К сожалению, фактического материала там было немного, так как фанатичный паладин упирал на ереси, язычество и темную сторону веры, – но упоминание о каких-то загадочных сектантах, помешанных на древних демонических реликвиях, мне все же попало. Сейчас я пожалел, что тогда, устав от бесконечных наставлений по части твердости веры и борьбы с ересями, я даже не стал углубляться в чтение, а поставил старинный фолиант на место. Если б я мог знать, где и как мне придется столкнуться с этими самыми северными мистиками!

Со второго этажа неожиданно шумно скатился уже знакомый мне раб с золотым ошейником. Пробежав на конюшню, он что-то злобно заорал, потом я увидел, как он несется по двору на своем коне, – скрипнули створки ворот, и длинный лошадиный хвост махнул мне на прощанье.

Человек, сказал я себе с грустью, не может знать, как располагают им боги.

Из боковой пристройки появилась Ута с какой-то плоской в руках.

– Пьешь? – поинтересовалась она, усаживаясь напротив меня.

– Угу, – мрачно отозвался я. – А ты здорово работаешь клинками. Иллари говорил мне, что тебя учил шахрисарский наемник?

– Что-то типа того. Гураз воевал всю жизнь и владел несколькими школами фехтования. Та, которой он учил меня, разрабатывалась специально для женщин моего роста. Жаль, он не смог жить у нас на Островах...

Она бесцеремонно отхлебнула из моего кубка, поморщилась и закинула в рот горсть орехов.

Вероятно, вино все-таки сказало свое слово, и благодаря ему я смог впервые посмотреть на Уту другими глазами. Раньше я как-то не осмеливался останавливать на девушке свой взгляд, считая это бестактным, – сейчас я смотрел на нее и видел светлую кожу, сильную и уверенную в себе молодую женщину с довольно резкими чертами лица и посмеивающимися черными глазами, так непохожими на холодные, прозрачные глаза Иллари и Эйно. В Уте горел огонь. Без сомнения, он присутствовал и в них, но мужчины тщательно скрывали свои чувства, почти всегда оставаясь недоступными моему пониманию – даже тогда, когда они смеялись...

– Как ты оказалась у Эйно? – напрямик спросил я.

– Почти так же, как и ты, – усмехнулась Ута. – Только это было довольно давно.

«Давно? – поразился я. – Но тогда... сколько же ей лет?»

Мне казалось, что ошибаться я не мог, – девушка выглядела максимум на пять-шесть лет старше меня. Подумав об этом, я вспомнил об актрисах, умеющих скрывать свой истинный возраст даже в самые интимные моменты. Может быть, она также владела и этим искусством? Но нет, уж слишком юной была ее кожа, и, главное, эти глаза, задорные и в то же время серьезные. И, конечно, на ней не было ни капли белил, румян или пудры – всех тех средств, при помощи которых женщина может ввести в заблуждение не слишком опытного ловеласа. В море румяна продержатся недолго, и все тайное тут же станет явным.

– Эйно... – она немного потянулась и снова приложила к моему вину. – Эйно собирает свой клан. Он что-то такое знает, наш старый, как мир, Эйно, князь Лоттвиц. Скоро, как он говорит, кое-что в Пеллии поменяется, и тогда он выйдет на сцену во всем своем блеске.

– Я ничего не понял, – признался я.

– Еще бы. Видел бы ты меня, когда его старая «Черепаша» выловила меня в море вблизи Галоттских островов. Я тоже мало что понимала...

– Галоттские острова – это где?

Ута неопределенно взмахнула рукой.

– На другом краю мира. Я плыла со своим отцом на его торговом судне, когда на нас напали Белые Шапки. Корабль сожгли, ну а я... я почти сутки болталась на обломке палубы, пока на горизонте не появилась «Черепаша». Сперва Эйно хотел высадить меня в ближайшем же порту, но потом переменял свое мнение. Я об этом не жалею.

– Кто такие Белые Шапки? – взмолился я. – Хоть об этом ты можешь мне рассказать?

– Про них могу. Сперва, лет сто назад, это было просто разбойничье братство, болтавшееся вокруг архипелагов... Потом у них появился вождь, который сумел объединить под своей рукой целый флот, и они вынудили галоттского царя подписать документ, превращавший Галотту в их вотчину. С тех пор мы бесконечно воюем. Стычки то стихают лет на двадцать, то вспыхивают с новой силой. Пеллия предпринимала уже десять, наверное, карательных экспедиций, даже выжигала дотла их города, но в Галотту бегут висельники из нескольких стран сразу, и все начинается сначала.

– Что-то вроде Шахрисара, – подытожил я. – И что же, никто не может справиться с этой проблемой?

– Шахрисар не опасен, – отмахнулась Ута. – Да, они воинственны, да, они готовы драться с кем угодно, но постепенно и до них начинает доходить, что торговать все-таки выгоднее, чем грабить, по крайней мере, при сложившемся порядке вещей. Сейчас тартуш грабят только слабых. Скоро они перестанут грабить совсем и превратятся в самую мощную торговую империю. А Белье Шапки... понимаешь, тут ведь еще и политика: кое-кому в Пеллии – да и не только в Пеллии, существование Галотты в ее сегодняшнем виде очень даже полезно и выгодно.

– Кажется, до меня доходит, – пробурчал я. – Наверное, королевские чиновники воруют даже за порогом всего сущего.

– Да формально они и не воруют, – возразила с усмешкой девушка, – они только берут у воров взятки. Поэтому Галотта – просто золото... о, в Пеллии все так запутано!

– Типичный разговор лавеллера, – услышал я голос Эйно, неожиданно вышедшего во двор. – Не слушай ее, парень: у них на островах есть национальная идея: лавеллер спит и видит, как он поражает железного пеллийца с тазиком для бритья на голове...

Я недоуменно пожал плечами и вернулся к своему вину. Эйно тем временем вытащил из кармана пистолет весьма необычной конструкции, положил его перед собой на стол и полез в другой карман. Таких пистолетов я еще не видел: сперва я решил, что это какая-то странная двухствольная конструкция, но потом понял, что трубка, которую я сперва принял за нижний ствол, на самом деле предназначена не для стрельбы. К тому же я не видел ничего похожего на замки, только литой крючок сверху причудливо изогнутой рукояти, а еще – скобу с каким-то колечком, закрывавшую собой курок. Не глядя на меня, Эйно извлек из кармана пригоршню латунных цилиндров с торчавшими из них коническими пулями, в которых я безошибочно узнал пеллийские патроны центрального боя, и, взяв в руки пистолет, принялся ловко запикивать их в трубку через темную выемку на казеннике. Такого я еще не видел! Как же они попадают в ствол? Засунув в трубку с десятка патронов, Эйно положил пистолет на левую ладонь и вставил средний палец правой руки в колечко на скобе. Раз! – скоба разомкнулась, проскочила вдоль оси оружия, и вернулась на место. Тогда Эйно взял со стола еще один патрон и деловито всунул его в выемку, оснащенную, как я успел заметить, защелкой, предохранявшей от пыли и влаги.

– Вот это да, – восхищенно произнес я. – Это что такое?

– «Вулкан» называется, – буднично ответил Эйно. – Их недавно делать начали. Дорогая, в общем-то, штука, но с твоими не сравнишь.

– Я думаю! Одиннадцать раз подряд! А подержать можно?

Пока я разглядывал удивительную пеллийскую машинку, Эйно хлебнул из кувшина и сгреб лишние патроны обратно в карман.

– Давай, – сказал он, протягивая руку. – Вернемся в Пеллию, купишь себе такой же... хоть десять.

В этот момент снова заскрипели ворота, и во двор ворвались Каррик и его золоченый раб. У обоих был взмыленный и озабоченный вид.

– Корабль, – прошипел Каррик, едва спрыгнул с лошади, – в порту был корабль, и он ушел – почти сразу же.

– Не дождался?.. – недоуменно вздернул брови Эйно.

– Нет... купцы девичьих рядов рассказали мне, что там был еще один, четвертый – одетый по-гайтански, но они сразу поняли, что в нем что-то не так: он умчался, едва сдохли те трое.

– Вы не могли их не убить, – скрипнул зубами Эйно, обращаясь к нам с Утой.

– Увы, – она помотала головой. – Я была уверена, что их там не трое, а Маттер – разве он мог не стрелять?

– Н-наверное, мог, – немного пьяно возразил я, но Эйно гневно махнул рукой:

– Хватит! У нас все равно нет времени отслеживать все их ходы. Я должен доложить обо всем Монфору, – теперь он говорил уже с Карриком, – и чем скорее это произойдет, тем лучше. Принимать решение будет он!

Каррик заметно побледнел, и мне показалось, что он испытывает жгучее желание склониться в поклоне.

– Я всегда к услугам его милости, – негромко произнес он.

Часть вторая

Пеллия

Глава 1

Переход через Великий Океан, длившийся почти два с половиной месяца, я провел в постоянной работе. Боцмана гоняли меня по вантам, Перт и Тило обучали основам навигации и сложной науке управления кораблем, а Ута и, реже, Иллари, занимались со мной пеллийским языком – в скором времени я научился сносно читать и погрузился в немалую библиотеку моего предшественника, умершего корабельного доктора.

Очевидно, он был человеком образованным и разносторонним. Среди десятков его книг я обнаружил множество романов, хроники с описаниями различных битв и путешествий, и даже пару научных трудов: один был посвящен астрономии, а второй, что удивило меня больше всего, – традициям пеллийского театра. Его я раскрыл, полистал, и... не стал читать, уж больно непонятными показались мне описания странных правил сценического искусства, принятых в далекой и пока незнакомой мне стране. Позже, конечно, я познакомился с этой книгой поближе...

Тило, знавший карту ветров как свою ладонь, маневрировал столь умело, что за весь переход нам ни разу не пришлось разводиться парами: барк уверенно шел под парусами, и тратить драгоценный уголь не было необходимости. В целом переход прошел вполне безмятежно. В Саскии Тило удалось закупить достаточное количество продовольствия, и мрачным предсказаниям Эйно о сухарях с гнилой солониной не суждено было сбыться. И вот, одним поздним вечером, когда я привычно сидел в своей каюте над книгой, меня вызвали на мостик. Задув масляную лампу, я поспешно набросил на плечи куртку и покинул каюту.

Наверху, в ярком свете нескольких больших фонарей, стояли Эйно, Ута и Тило. В руках они держали бокалы – рядом с ними я заметил пару корзин с вином и снедью.

– Маяк! – блестя глазами, возвестил Эйно и протянул мне серебряный бокал. – Впередсмотрящие увидели маяк! Это остров Лаэ... Тило и на этот раз вывел нас домой точно, как по нитке.

Я сразу вспомнил карту, которую изучал в штурманской рубке у старика Тило. Лаэ был большим островом, первым в цепи островов, с которых, собственно, и начиналась Пеллия. Значит, мы наконец прибыли! Дрожа от нахлынувшего возбуждения, я залпом выпил вино. В этот момент барк начал поворот, и через несколько мгновений все мы увидели, как по левому борту загорелись две далекие белые звездочки – низко, едва возвышаясь над темнеющим горизонтом. Я знал: теперь мы пройдем проливами, чтобы пристать к материку. Наверное, уже завтра я смогу сойти на берег.

Четверть часа спустя, когда барк приблизился к острову, обходя его справа, мы увидели далекие россыпи огней портового города. Всех охватило ликование. Мои спутники много месяцев не были дома, и зрелище родных берегов вызвало у них приступ буйного веселья. За борт то и дело порхали пустые бутылки. Разошлись мы, наверное, за полночь. Лаэ остался далеко за кормой, рулевые вели судно к материку.

...И после завтрака, поднявшись на мостик, я смог наконец увидеть Пеллию.

«Бринлееф» приближался к берегу. Сперва на горизонте появились далекие еще горы, густо поросшие темно-зеленым лесом. Прихлебывая вино, я не отрывал глаз от мощного морского бинокля – и вскоре увидел темные башни огромного города, привольно раскинувшегося

на берегах широкой, усеянной мачтами бухты. Ветер был хорош. Наш барк стал терять паруса, снижая скорость, рулевой покати́л его нос вправо. Я развернулся на левый борт.

Я никогда не видел таких судов – стремительные силуэты многомачтовых кораблей, заполнившие бухту, подминали собой немногочисленные, как мне казалось, шхуны и рыбацьи баркасы. Их, этих удлинённых, казавшихся приземистыми, парусных гигантов здесь было не менее сотни. Барк шел к левой оконечности бухты, где возле высоких каменных причалов стояли несколько явно военных кораблей, несущих вдоль бортов десятки темных пушечных портов. По мере приближения к суше мое внимание целиком переключилось на открывающийся передо мной город.

Он буквально тонул в зелени. Среди пышных садов и искусственных парков возвышались необычные ступенчатые дворцы и здания поскромнее – тяжеловесные и в то же время преисполненные своеобразного зловещего изящества, словно дракон, вставший на дыбы. У некоторых самых высоких строений я насчитал до десятка этажей! Прямоугольные, узкие, словно вздетый к небесам палец, башни удивительным образом перетекали в легкие многоэтажные конструкции с острыми, часто сверкающими на солнце крышами, которые, в свою очередь, увенчивались миниатюрными «беседками» со шпилями поверху.

Это была Пеллия, которую мне предстояло узнать и, очень скоро – полюбить...

На корабле началась суета. Матросы поволокли на палубу какие-то тюки и ящики, я услышал резкий голос Иллари, приказывавшего быть поаккуратнее с сундуками командира. Вскоре с высоты мостика я увидел Эйно, с трубкой в зубах и в шляпе, который подошел к правому борту и в глубокой задумчивости уселся на вытасченный из трюма сундук с толстыми серебряными оковами. К нему приблизился Иллари; я не услышал их короткого разговора, но сумел уловить тревожные нотки в голосе князя. Иллари вскоре спустился вниз. Эйно продолжал сидеть, наблюдая за приближающимся берегом. Перт, мастерски маневрируя, подвел барк почти к самому причалу – между кораблем и серым влажным камнем оставалась лишь узкая полоска воды. Загрохотали заранее приготовленные якоря. Нас протащило еще несколько сот локтей, и «Бринлееф» наконец плавно остановился.

Не зная, что мне делать, я спустился на палубу и обратился с этим вопросом к Эйно.

– Собираться, – устало произнес он, не поднимая на меня глаз. – Мы прибыли.

Меня удивило его состояние – князь выглядел не столько задумчивым, сколько измученным, словно некий червь точил его изнутри. Пожав плечами, я поспешил к себе в каюту и принялся укладывать свой нехитрый скарб. Когда я, неся в руках лекарский ящик и тючок с одеждой, поднялся на палубу, с корабля уже были переброшены сходни, а на пристани стоял большой, похожий на чемодан черный экипаж, запряженный четверкой рослых флегматичных коней. Матросы с «Бринлеефа», покрикивая на суетившихся рядом портовых грузчиков, переносили к нему множество окованных железом сундуков и ящиков. Первым меня заметил Иллари.

– Сейчас подойдет карета, – сказал он, – поедешь вместе с Утой, она знает дорогу.

– Поеду – куда? – немного растерянно поинтересовался я.

– В замок, разумеется, – махнул рукой Иллари. – Это там, почти на горе...

Я окинул долгим взглядом палубу «Бринлеефа». Чисто вымытый металл, кое-где, в особенности ближе к полубаку, обшитый полированными красноватыми досками, радостно сверкал на солнце. В окошках надстроек поигрывали веселые золотые блики. На секунду мне стало грустно. Улучив момент, когда сходни оказались пусты, я перебрался на берег и остановился возле экипажа, в который грузчики запихивали пожитки Эйно.

Вскоре к кораблю подъехала наемная карета, и возница, одетый в нарядный коричневый костюм и широкополую шляпу с пером, вежливо поинтересовался у меня, кого он должен везти.

– Меня, по-видимому, – ответил я, – и еще молодую даму.

– Давайте ваш багаж, господин, – кучер спрыгнул с козел и помог мне погрузить ящик и тук в специальное отделение меж осей экипажа. – Далеко вам ехать?

– Я, признаться, не в курсе...

Но по сходам уже спешила Ута, два матроса несли вслед за ней ковриковые чемоданы и короткий футляр на пару карабинов. Когда кучер закончил размещать наш багаж, она протянула ему серебряную монету и скомандовала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.